

ТЕРРИ ПРАТЧЕТТ

ПОСЛЕДНИЙ КОНТИНЕНТ

The Last Continent

Плоский мир

Терри Пратчетт

Последний континент

«ЭКСМО»

1998

Пратчетт Т.

Последний континент / Т. Пратчетт — «Эксмо»,
1998 — (Плоский мир)

ISBN 978-5-699-19242-7

Бывает, не везет людям. А бывает – целым континентам. Он создавался в последнюю очередь. Даже имя ему выпало какое-то несуразное – ИксиксИкс. Зато много-много лет спустя на него выпал Ринсвинд, самый невезучий и трусливый волшебник на Плоском мире. И именно на Ринсвинда возложена великая миссия – спасти этот несчастный континент. Правда, чтобы эту миссию возложить, надо сначала Ринсвинда догнать...

ISBN 978-5-699-19242-7

© Пратчетт Т., 1998

© Эксмо, 1998

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

52

Терри Пратчетт

Последний континент

Плоский мир – это мир в себе и зеркало других миров.

Поэтому Австралия тут совсем ни при чем. Скорее в этой книге рассказывается о совершенно ином месте, которое лишь в отдельных случаях становится немножко... австралийским. Хотя... Будь спок, договорились?

* * *

По бескрайним звездным морям плывет черепаха, несущая на своем панцире четырех слонов.

И черепаха, и слоны куда больших размеров, чем вам может представляться, но там, среди звезд, разница между гигантским и крошечным весьма и весьма мала.

И все равно эта черепаха и эти слоны, мягко скажем, выбиваются из средних черепашие-слоновых стандартов.

А на спинах у слонов покоится Плоский мир со всеми своими континентами, облачностью и океанами.

На Диске *не живет* множество самых разных существ. Они там обитают, как обитают на всяких шариках, разбросанных по менее рукотворным областям множественной вселенной. Именно на планетах тела утоляют свои желания, иначе говоря – обитают, но сама жизнь отдельно взятого существа протекает в отдельно взятом мирке, очень удобно вращающемся вокруг отдельно взятой головы.

На своих вечеринках боги любят рассказывать одну весьма поучительную историю. В некую планету врезалась огромнейшая глыба космического льда, способная потопить пару-другую континентов. А обитатели второй некоей планеты (расположенной по астрономическим меркам буквально в двух шагах от первой) спокойно наблюдали за этой катастрофой, *ровным счетом ничего не предпринимая* – на том самом основании, что в Открытом Космосе всякое может случиться. Представители *разумных видов* по крайней мере подали бы жалобу в высшие инстанции. Впрочем, в правдивость этой истории все равно никто не верит, поскольку раса до такой степени безмозглая никогда не смогла бы открыть слуд¹.

Хотя люди верят во всякое. Например, одна раса искренне уверена, что вселенная – это кожаный мешок, который несет на спине древний старик.

И последователи этой веры тоже в чем-то правы.

Другие, однако, возражают: «Эй, если он тащит в мешке всю вселенную, значит, он несет и себя с мешком, ведь вселенная содержит все. И его тоже. И мешок, разумеется. А в этом мешке – старик и мешок...» Ну и так далее.

На что следует весьма разумный ответ: «И что с того?»

Все племенные мифы – абсолютная истина. Принимая во внимание относительность любой истины.

...Для богов простейшая проверка на всемогущество – это способность контролировать падение самой крохотной птички. Но всего лишь один бог записывает свои впечатления, после чего вносит в процесс некоторые поправки, чтобы в следующий раз птичка падала быстрее и дальше.

Если повезет, мы узнаем почему.

¹ Открывается гораздо легче огня и лишь немногим труднее воды.

А еще мы, возможно, узнаем, почему человечество находится там, где находится. Эта задачка потруднее предыдущей, поскольку сразу следует встречный вопрос: «А где же нам еще быть?» Страшно не хочется думать, что в один прекрасный день какое-нибудь особо нетерпливое божество раздвинет облака, высунется в просвет и воскликнет: «Так вы всё еще здесь?! Вот придурки! Я думал, вы уже десять тысяч лет как открыли слуд! Ну все, ждите понедельника! Ужо десять триллионов тонн льда прочистят вам мозги!»

А если совсем повезет, мы узнаем, почему утконосистый утконос².

Снежинки, влажные и большие, одна за другой мягко садились на лужайки и крыши Незримого Университета, ведущего волшебного-учебного заведения Плоского мира.

Снег облепил все вокруг, превратив Университет в подобие дорогой, но безвкусной безделушки. Снег лип и к башмакам Страх О'Люда, старшего слугообраза³, который мрачно шагал сквозь холодную бесприютную ночь.

Еще два слугообраза, выступив из-под навеса, торжественным шагом двинулись вслед за старшим к Главным воротам.

Этот древний обычай пришел из глубины веков, и летом всегда находилась пара-тройка туристов, жаждущих стать свидетелями ритуала. Минус состоял лишь в том, что Церемонию Ключей проводили каждую ночь и круглый год. Заурядный разгул стихий – лед, ветер, снег и дождь – не мог помешать исполнению обряда. А в стародавние времена слугообразы, согласно традиции, еще и преодолевали различные препятствия: бились не на жизнь, а на смерть с многолапыми чудовищами; переходили вброд бушующие воды; вооруженные лишь шляпами-котелками, сражались с почтовыми голубями, гарпиями и драконами – и все это под несущиеся из распахнутых окон отчаянные вопли рядовых преподавателей. «Да уймется вы наконец?! – кричали им вслед. – Чего ради так шуметь?!» Но слугообразы не унимались, даже не думали. Нельзя унять Традицию. Ее можно лишь дополнить.

Наконец заснеженная троица прибыла к Главным воротам. Там уже поджидал дежурный слугообраз.

– Стой! Кто Идет? – крикнул он.

Страх О'Люд отдал честь.

– Ключи Аркканцлера!

– Проходите, Ключи Аркканцлера!

Старший слугообраз шагнул вперед, вытянул перед собой руки, церемониально загнул ладони и похлопал себя по груди в тех местах, где у кого-то из его давно покойных предшественников-слугообразов располагались нагрудные карманы. Хлоп, хлоп. Опустив руки, такими же деревянными движениями он похлопал себя по бокам. Хлоп, хлоп.

– Проклятье! Готов Поклясться, Минуту Назад Они Были Тут! – громогласно провозгласил он, с бульдожьей старательностью подчеркивая каждое слово.

Привратник отдал честь. Страх О'Люд отдал честь.

– А Ты Все Карманы Проверил?

Страх О'Люд отдал честь. Привратник отдал честь. На его котелке уже выросла снежная пирамидка.

– Наверное, Оставил Их На Комоде. Вечно Одна И Та Же История, А?

– Запоминать Надо, Куда Кладешь!

– Постой-ка, Может, Они В Другой Куртке?

² Не почему он то-то или то-то. Просто почему он.

³ Типа слуга. Нечто среднее между швейцаром и надзирателем. Должность слугообраза получают не за пылкое воображение, но за полное отсутствие такового.

Молодой слугобраз, сегодняшний Дежурный По Другой Куртке, выступил вперед. Все слугообразы обменялись отдаванием чести. Затем самый молодой прокашлялся и громко объявил:

– Нет, Я Смотрел Там... Сегодня... Утром!

Страх О'Люд едва заметно кивнул, показывая парнишке, что тот прекрасно справился со своим очень нелегким заданием, и еще раз похлопал себя по карманам.

– Нашел, Всех Ворон Наперекосяк! Вот Они, Ключи-То! В Этом Самом Кармане! Надо Ж Быть Таким Простофилей!

– Да С Кем Не Бывает!

– Я Даже Покраснел! В Следующий Раз, Наверное, Собственную Голову Забуду!

Где-то во мраке со скрипом растворились оконные ставни.

– Э-э, господа, прошу прощения...

– Вот Ключи! – возвысил голос Страх О'Люд.

– Весьма Обязан!

– Не могли бы вы... – продолжал неуверенный голосок, словно бы извиняющийся за столь наглую просьбу.

– Ворота На Замке! – немного погодя выкрикнул привратник, возвращая ключи.

– ...Быть может, говорить *чуть-чуть* потише...

– Да Благословят Боги Всех Присутствующих! – проорал Страх О'Люд, на раскрасневшейся шее которого уже начали проступать вены.

– И На Сей Раз Запомни Хорошенько, Куда Их Кладешь! Ха! Ха! Ха!

– Хо! Хо! Хо! – вне себя от ярости возопил Страх О'Люд.

Он деревянно отсалютовал, подчеркнуто громко топая, совершил Поворот Кругом и зашагал обратно к сторожке слугообразов, что-то бормоча себе под нос. Церемония состоялась.

Окошко маленького университетского санатория захлопнулось.

– Как же этот человек меня злит, – вздохнул казначей. Порывшись в кармане, он извлек зеленую коробочку с пилюлями из сушеных лягушек. Крышка открылась не сразу, а когда наконец открылась, несколько таблеток раскатились по полу. – И напоминаний я посылал ему не счесть. А он упорно твердит, мол, такая традиция, и все же... Не знаю, по-моему, он следует ей слишком уж... громогласно. – Казначей высморкался. – Ну, как он?

– Не слишком хорошо, – отозвался декан.

Библиотекарь был очень, очень болен.

Закрытые ставни быстро залепило снегом.

Перед камином с ревушим там пламенем громоздилась куча одеял. Время от времени по одеялам пробегала дрожь. Волшебники встревоженно наблюдали.

Профессор современного руносложения лихорадочно листал книгу.

– Мы ведь даже не знаем, стар он или молод! – вдруг воскликнул он. – В каком возрасте орангутан считается старым? К тому же он еще и волшебник. И вдобавок все дни проводит в библиотеке. То есть постоянно подвергается магической радиации. Ясно одно: его морфогенетическое поле сейчас крайне ослаблено из-за простуды. Но что это за простуда, которая влияет на морфополе?!

Библиотекарь чихнул.

Форма его тела изменилась.

Волшебники с болью в глазах взирали на нечто напоминающее удобное кресло, которое зачем-то обтянули рыжеватой шерстью.

– Как же нам ему помочь? – пробормотал Думминг Тупс, самый молодой член преподавательского состава.

– Может, сверху пару подушечек положить? – предложил Чудакулли.

– По-моему, аркканцлер, это не очень смешная шутка.

– Почему шутка? Подушки – лучшее средство от любых жизненных невзгод, – авторитетно сообщил Чудакулли, человек, никогда не знавший, что такое болезнь.

– С утра он был столом. Рыжего дерева, если мне не изменяет память. По крайней мере, своего натурального цвета он более-менее придерживается.

Профессор современного руносложения со вздохом захлопнул книгу.

– Итак, он утратил контроль над своими морфогенетическими функциями. Да это и неудивительно. Изменившись однажды, в дальнейшем морфополе изменяется все легче и легче. Хорошо известный факт.

Взглянув на окаменевшую улыбку аркканцлера, профессор современного руносложения вздохнул еще раз. Наверн Чудакулли славился своим умением не вникать в проблему, если рядом был кто-то, способный сделать это за него.

– Изменить форму живого существа довольно трудно, но только в первый раз. Потом это становится все легче и легче, – перевел он.

– Гм-м?

– До того как стать приматом, библиотекарь был человеком. Припоминаешь?

– О! Конечно, – закивал Чудакулли. – Подумать только, я и в самом деле так привык к его нынешнему облику... Но наш юный коллега Думминг утверждает, что люди и приматы – близкие родственники.

На лицах остальных волшебников не отразилось ровным счетом никаких эмоций. Думминг, напротив, скривился.

– Он мне даже показывал невидимые писания, подтверждающие эту теорию, – пояснил Чудакулли. – Удивительная вещь.

Нахмурившись, старшие волшебники воззрились на Думминга Тупса. Так обычно смотрят на человека, которого поймали за курением на фабрике фейерверков. Что ж, теперь понятно, кто во всем виноват. Тот же, кто и всегда...

– Но... ты уверен, что это было безопасно? – осторожно осведомился декан.

– Я, знаешь ли, здесь аркканцлер, – спокойно ответил Чудакулли.

– Бесспорно, *аркканцлер*. – Голосом декана можно было резать сыр.

– Мне необходимо вникать во все. Вопрос морали, – продолжал Чудакулли. – И дверь в мой кабинет всегда открыта. Я вижу себя как полноправного члена команды.

Думминг опять поморщился.

– А вот у меня, по-моему, никаких родственных связей среди приматов нет, – задумчиво произнес главный философ. – Иначе бы я точно знал. Получал бы приглашения на свадьбы, крестины и прочее. И родители объясняли бы мне: «Не обращай внимания, дядя Чарли и должен так пахнуть». А по стенам висели бы портреты...

Кресло чихнуло. После нескольких неприятных мгновений морфогенетической неопределенности тело библиотекаря приняло свою прежнюю форму. Волшебники в ожидании новых превращений внимательно наблюдали.

Вспомнить, как библиотекарь выглядел в те времена, когда пребывал еще в человеческом облике, было весьма затруднительно. И как его звали, тоже никто не помнил.

Его жизнь как примата началась много лет назад, после мощного выброса магической энергии. В библиотеке, где в опасной близости теснятся огромное количество крайне нестабильных волшебных книг, вероятность подобного события всегда существует. Однако библиотекарь безропотно принял свою судьбу, тем более что судьба эта значительно упростила ему жизнь. Очень скоро крупная косматая фигура, зацепившаяся рукой за верх стеллажа и ногами переставляющая книги на нижних полках, стала одним из самых узнаваемых символов Университета, а преданность библиотекаря работе даже ставили в пример...

Аркканцлер Чудакулли, в чьей голове предательски составила последняя фраза, вдруг осознал, что машинально набрасывает текст будущего некролога.

– А доктора приглашали? – осведомился он.
– Сегодня днем приходил Джимми Пончик⁴, – сообщил декан. – Хотел измерить библиотечную температуру, но тот его, кажется, укусил.
– Укусил? С градусником во рту?
– Не совсем. Но данный вопрос очень точно вскрывает причину состоявшегося... гм... покусания.

Несколько секунд все скорбно молчали. Главный философ, наклонившись, поднял вялую чернокожую лапу библиотекаря и ободряюще ее похлопал.

– А в книжке ничего не говорится насчет того, какой у обезьян должен быть пульс? – спросил он. – И какой у них должен быть нос – холодный или теплый?

Раздался еле слышный звук, как будто полдюжины человек разом затаили дыхание. Волшебники стали бочком отодвигаться от главного философа.

На несколько долгих секунд воцарилась тишина, нарушаемая лишь потрескиванием пламени в камине да завыванием ветра за окном.

Волшебники тихонько вернулись на свои места.

Главный философ, который и сам был предельно изумлен тем фактом, что руки-ноги его по-прежнему целы, медленно снял остроконечную шляпу. Следует отметить, волшебник делает это лишь в самых печальных и торжественных обстоятельствах.

– Ну что ж, значит, это конец, – сказал он. – Похоже, бедняга направляется домой. В большую небесную пустыню.

– Скорее, в небесные тропические леса, – уточнил Думминг.

– Может, госпожа Герпес сварит ему свой знаменитый горячий питательный суп? – предложил профессор современного руносложения.

Склонив голову набок, аркканцлер Чудакулли подумал о горячем питательном супе университетской домоправительницы.

– Да. Либо убьет, либо вылечит, – пробормотал он. – Держись, приятель. – Он осторожно похлопал библиотекаря по плечу. – Скоро опять встанешь на ноги и будешь вносить свой неоценимый вклад.

– На костяшки, – услужливо поправил декан.

– Что-что?

– Обычно он ходит, опираясь на костяшки пальцев.

– А теперь будет кататься на колесиках, – внес свою лепту профессор современного руносложения.

– Кошмарное чувство юмора, просто кошмарное... – покачал головой аркканцлер.

Волшебники покинули помещение. Некоторое время из коридора, постепенно затихая, доносились их голоса:

– Кстати, вы заметили ту бледность в области подголовника?

– Должно же быть какое-то средство его вылечить...

– Без него все станет не так, как прежде.

– Да уж, второго такого не найдешь.

Оставшись один, библиотекарь осторожно натянул одеяло на голову, крепче обхватил бутылку с горячей водой и чихнул.

Бутылка с горячей водой стало две – вторая была гораздо больше и в чехле из покрытого рыжей шерстью медвежонка.

⁴ Ведущий анк-морпоркский ветеринар. Как правило, его приглашали лишь в самых серьезных случаях и к больным, которых не стоило доверять среднему представителю медицинской профессии. Единственной слабостью Пончика было убеждение, что каждый пациент в той или иной мере скаковая лошадь.

На Плоском мире свет передвигается медленно, периодически скапливаясь в ущельях и вдоль горных склонов. Волшебниками-естествоиспытателями даже была выдвинута теория, что должен существовать свет другого, гораздо более быстрого типа – именно благодаря ему можно видеть медленный свет. Но поскольку иного применения быстрому свету не нашлось, его исследования очень быстро забросили: какой вообще толк от света, если его даже увидеть нельзя?

Таким образом, благодаря местной скорости света и несмотря на то, что Плоский мир по сути своей плоский, события, происходящие в разных точках в одно и то же время... в общем, они происходят в разное время. Когда в Анк-Морпорке было настолько поздно, что фактически еще совсем рано, где-то в другой точке Диска...

...Впрочем, в этой самой точке даже понятия не имели, что такое часы, минуты и с чем их едят. О да, там имелись такие штуки, как рассвет и закат, утро и вечер, полночь и полдень, но больше всего там было жары. И красноты. Нечто столь искусственное и человеческое, как час, не протянуло бы там и пяти минут. Оно бы скукожилось и высохло за считанные секунды.

Итак, жара, краснота и... тишина. Не ледяная, гнетущая тишина бесконечного космоса, но молчание перегревшейся органики. Вокруг простираются тысячи миль раскаленно дрожащих горизонтов, и все слишком устало, чтобы издавать какие-либо звуки.

Однако если прикинуть чутким ухом к груди пустыни, то можно различить далекое бормотание, как будто кто-то бормочет под нос стишок или, допустим, молитву. И этот усталый, подвсхлипывающий речитатив бьется о всеохватную пустынную тишину, словно муха о лобовое стекло вселенной.

Затем в дело вступает внимательный глаз, он ищет источник звука... и ничего не находит. А все потому, что человечек почти полностью скрылся в глубокой яме – виден лишь холмик, на который время от времени вылетает очередная порция красноватой земли. Засаленная и потрепанная остроконечная шляпа покачивается в такт нерифмованным рифмам. Похоже, когда-то давным-давно на шляпе было блестками вышито слово «Валшебник». Блестки отвалились, но слово осталось, выделяясь на линялом фоне остатками первоначального бордового цвета. Вокруг шляпы по орбите кружатся несколько дюжин мух.

А слова стишка звучат примерно так:

– Личинки-червячки! Чем больше накопаю, тем больше наловлю! Чем больше наловлю, тем больше гадов съем! Чем больше гадов съем, тем буду здоровее! И всех победю! И всех победю!

Холмик рядом с ямой пополнился еще одной лопатой земли, и голос, уже немного тише, произнес:

– Интересно, а мухи вообще съедобны?

Говорят, в этих местах жара и мухи могут свести человека с ума. Но верить всяким сказаниям вовсе не обязательно. Впрочем, розовый слон, который как раз проезжал мимо на велосипеде, им и не верил.

Как ни странно, безумец в яме был единственным человеком на всем континенте, способным пролить хоть какой-то свет на одну небольшую драму, которая в данный момент разыгрывалась тысячей миль дальше и несколькими метрами глубже. Некий промышляющий опалами горняк, известный в узком кругу товарищей под именем Нисебефига, вот-вот должен был совершить невероятную находку, наиболее ценную за всю его карьеру и ровно настолько же опасную.

Кирка Нисебефига отколупнула очередной вековой камень, и в сиянии свечи что-то сверкнуло.

Оно было зеленым и походило на застывшее зеленое пламя.

Мысли Нисебефига тоже словно бы застыли. Очень осторожно горняк принялся один за другим расшатывать мелкие куски породы. С каждым отброшенным в сторону камешком

сияние становилось все ярче и ярче, наполняя пещеру зелеными лучами. Казалось, их яркости не будет предела.

– Нисебефига! – выдохнул горняк.

Старатель, нашедший небольшой зеленый опал, скажем, размером с горошину, обычно зовет товарищей, и они на радостях опрокидывают пару-другую кружечек пива. Опал размером с кулак способен вызвать продолжительные бешеные пляски. Но такая вот находка... Нисебефига зачарованно гладил камень, смахивая пылинки, когда другие горняки тоже заметили сияние и поспешили к нему.

По крайней мере... сначала они чуть ли не бежали. Но постепенно все как один перешли на медленный, почти торжественный шаг.

Несколько мгновений горняки молчали. Их лица озарялись зеленым светом.

– Ну и повезло ж те, Нисебефига, – наконец прошептал один.

– Мужик, да во всем чертовом мире не хватит денег, чтоб это купить!

– Суште, а мож, это глазурь?

– Така глазурь тоже денег стоит... Доставай ее, Нисебефига, доставай...

Словно коты, они наблюдали, как острая кирка обрабатывает находку. Вот показался один край опала, потом другой...

У Нисебефига задрожали пальцы.

– Осторожней, мужик... Он вон там кончается...

Когда находка предстала во всем своем великолепии, горняки даже попятились. Опал оказался продолговатым, и только его нижнее окончание было слегка подпорчено проникшей внутрь землей, как будто камень перекутила некая сила.

Нисебефига перевернул кирку и приложил деревянную рукоять к светящемуся кристаллу.

– Нисебефига, камешек... – пробормотал он. – Чегой-то с ним не того...

Он осторожно постучал по опалу.

Тот отозвался эхом.

– Не может же быть, чтоб внутри он был пустым! – воскликнул один из горняков. – Никогда-о таком не слышал.

Нисебефига взялся за ломик.

– Ну, ладно! Попробуем...

Раздалось еле слышное «плинк». От нижней части откололась большая пластина. Камень оказался не толще тарелки.

Взорам горняков предстали крохотные ножки, торчащие из переливающейся скорлупы. Едва заметно они пошевелились, словно бы разминаясь.

– Ни фига себе... – произнес один из горняков. Все попятились еще дальше. – Оно ведь *живое*.

...Думминг *знал*, что совершает серьезную ошибку, показывая Чудакулли невидимые писания. Один из основополагающих принципов гласит: никогда, ни при каких обстоятельствах не следует допускать, чтобы работодатель понял, чем вы, собственно говоря, с утра до вечера занимаетесь.

Но сколь бы осторожны вы ни были, все равно настанет день, когда он заявится к вам в кабинет, начнет повсюду совать свой нос и отпускать всякие замечания типа: «Так вот, значит, где ты работаешь?», «Я ведь, кажется, рассылал служебную записку по поводу растений в горшках» либо «Как называется вот это, да-да, вот это, с клавиатурой?»

А в данном случае проблема осложнялась тем, что работа с невидимыми писаниями требовала исключительных внимания и тщательности, как правило свойственных людям, чье

хобби – гонки континентов, выращивание гор бонсай или, допустим, вождение «Вольво». Одним словом, Чудакулли не следовало подпускать к ней даже на пушечный выстрел.

Существование невидимых писаний объяснялось до смешного сложной гипотезой. Все книги тесно связаны друг с другом через Б-пространство. Следовательно, при удачном стечении обстоятельств текст любой книги, которая когда-то была написана или *которой только предстоит быть написанной*, можно восстановить при помощи тщательного изучения уже существующих книг. Ведь все будущие книги существуют *потенциально*. Это все равно как при помощи тщательного изучения первичной слизи можно прийти к выводу о появлении в будущем щипцов для омаров.

Однако до сих пор в изучении невидимых писаний были задействованы лишь самые примитивные технологии, основанные на древних заклинаниях типа Ненадежного Алгоритма Визенблума. В результате на воссоздание бледного призрака страницы еще не написанного текста уходили многие годы.

И лишь своеобразный гений Думминга нашел способ обойти проблему. Всего-то и надо было изучить простой вопрос: «Откуда ты знаешь, что это невозможно, ведь ты ж еще даже не пробовал?» Экспериментируя с Гексом, мыслящей машиной Университета, Думминг наглядно доказал: есть множество вещей, которые выглядят очень даже возможными, пока их не попробуешь.

Вот, к примеру, только люди научатся чему-нибудь новому и интересному, как наше заботливое правительство сразу выпускает в свет закон, это новое запрещающий. Но ведь *до того* подобного закона не существовало! То же самое и со вселенной. Во многом она руководствуется политикой «пока-они-не-попробуют».

Думминг обнаружил: нечто опробованное очень быстро начинает *казаться* невозможным, однако фактически становится таковым лишь по прошествии некоторого времени⁵. Это время уходит на то, чтобы наконец примчались вечно занятые причинно-следственные законы и изобразили все так, будто невозможное было невозможным с самого начала. Использование Гекса позволило значительно ускорить процесс. Чутьочку изменил параметры – почти тут же получил результат. И так далее. Теперь Думминг восстанавливал целые абзацы за один-два часа.

– Ага, это как у циркачей, – заметил Чудакулли в ответ на его объяснение. – Главное – выдернуть скатерть до того, как чашки сообразят, что им полагалось бы упасть и разбиться.

– Именно так, аркканцлер, – поморщившись, кивнул Думминг. – Отличное сравнение.

Тогда-то и началась вся эта суета с книгой под названием «Как Эффективно Вдохновлять Коллектив, Эффективно Управлять Им И Эффективно Заботиться О Нем, А Также Добиваться Эффективных Результатов За Эффективно Короткое Время». Когда эту книгу напишут и в каком мире ее опубликуют, Думминг понятия не имел. Ясно было одно: она будет пользоваться бешеной популярностью, поскольку даже при случайном зондировании Б-пространства очень часто попадались ее фрагменты. Хотя, возможно, это будет не одна книга.

Так или иначе, эти фрагменты как раз оказались на столе Думминга, когда явился Чудакулли и принялся повсюду совать свой нос.

К несчастью, Чудакулли, подобно многим людям, органически не способным преуспеть в каком-либо деле, считал себя особым докой во всем и вся. Что же касается конкретно управления людьми, то в данной области Чудакулли преуспел ровно настолько же, насколько царь Ирод преуспел в строительстве детских площадок.

Его подход к менеджменту можно было представить в виде простой бизнес-схемы. В верхней части изображался кружок с надписью «Я, который отдает приказы», и от него тянулась линия вниз к большому кругу под названием «Все остальные».

⁵ В случае с холодным синтезом времени потребовалось немного больше.

И до недавних пор эта схема срабатывала. Да, Чудакулли был невозможным управленцем, но управлять Незримым Университетом было так же невозможно, поэтому все складывалось как нельзя лучше.

И все шло бы своим чередом, не приди аркканцлеру в голову заняться разработкой карьерных планов и, что еще хуже, уточнением функциональных обязанностей.

– Нет, вы представляете, он меня вызвал и спросил, чем именно я занимаюсь! – недоумевал профессор современного руносложения. – Слыханное ли дело? Что это еще за вопросы? Мы в Университете или где?

– А меня он спросил, нет ли у меня проблем на личном фронте, – пожаловался главный философ. – Я такого терпеть не буду!

– А вы вообще видели табличку у него на столе? – поддержал декан.

– Ту, где сказано: «Аркканцлер Всегда Прав»?

– Нет, другую, где написано: «Если Ты По Самую Задницу в Аллигаторах, Значит, Сегодня Первый День Оставшейся Тебе Жизни».

– И что это значит?

– По-моему, ничего. Просто табличка.

– Но она ведь должна к чему-то призывать.

– Вот она, наверное, и призывает. К проактивности. Еще одно любимое его словечко. Он везде его вставляет.

– А оно что значит?

– Видимо... что надо любить активность.

– Правда? Опасная склонность. Мой жизненный опыт утверждает, что неактивность куда предпочтительнее.

В общем и целом для Университета наступили не лучшие времена. А хуже всего было за едой. Теперь Думминг, как правило, сидел один и в самом конце так называемого Высокого стола. Никто не хотел садиться рядом, поскольку против собственной воли Думминг Тупс стал архитектором зародившихся у аркканцлера планов превратить весь преподавательский состав Университета в Злых Голодных Парней. Голодать «волшебные парни» даже не собирались, но злели буквально на глазах.

В довершение всех бед внезапное участие Чудакулли в рабочем соучастии означало, что самому Думмингу теперь приходилось давать объяснения аркканцлеру по поводу буквально всех текущих проектов. И это при том, что, несмотря на все прочие перемены, Чудакулли остался верен своей кошмарной привычке нарочно (как подозревал Думминг) не понимать то, что он не хотел понимать.

Думминга всегда поражал тот факт, что библиотекарь, будучи приматом (по крайней мере в основе своей, хотя тем вечером он избрал в качестве своей формы чайный столик с отороченным рыжим мехом чайным сервизом), настолько... гм... походит на человека. Многие в нем в точности повторяло аналогичные детали человеческого тела. И вообще, вокруг очень много организмов, построенных по одной и той же схеме. Куда ни глянь, везде какая-нибудь сложной конструкции трубка с двумя глазами и четырьмя руками, ногами или крыльями. Иной раз, правда, попадаете рыба. Или насекомое. Ну хорошо, паук. А время от времени встречается какая-нибудь странность типа морской звезды или угря. Но в общем и целом ограниченность природных дизайнов налицо. Где же они – шестирукие, шестиглазые обезьяны, весело катящиеся по ветвям под пологом джунглей?

Да, есть еще осьминоги, но в том-то и дело, что по сути своей они не более чем подводные пауки...

Думминг провел в Музее Своеобычных Необычностей не один час и подметил довольно странную вещь. Тот, кто придумывал скелеты, имел еще меньше воображения, чем дизайнер внешних оболочек. Последний, по крайней мере, хоть иногда приносил что-то новое, главным

образом шерсть, пятнышки или полоски. Ответственный же за кости действовал всегда по одной и той же схеме: водрузит на грудную клетку череп, чуть пониже вставит таз, по бокам подвесит руки и ноги, а остальную часть дня отдыхает. Какие-то грудные клетки были длиннее, какие-то ноги – короче, некоторые руки заменялись крыльями, но общая схема была одна. Всем выдавался один размер, который потом либо растягивался, либо укорачивался.

И Думминг, к своему абсолютно не-удивлению, оказался единственным, кого сей факт заинтересовал. Он однажды сообщил своим коллегам, что форма рыбьего тела какая-то странная, однако на него посмотрели как на сумасшедшего.

Палеонтология, археология и прочие костедобывающие науки не вызывали в волшебной среде особого интереса. Волшебники смотрели на это следующим образом: раз что-то закопали, значит, не без причины. И что это была за причина, гадать нет смысла. А раскапывая всякие древности, рискуешь нарваться на их нежелание быть вновь закопанными.

С наиболее связной теорией, касающейся происхождения видов, Думминг ознакомился еще в детстве. Эту теорию изложила ему няня. Обезьяны, утверждала она, это плохие маленькие мальчики, которые не слушались своих родителей, а тюлени – это плохие маленькие мальчики, которые слишком много валялись на пляже, прогуливая уроки. И если следовать данной линии, можно было бы заключить, что птицы – это плохие маленькие мальчики, которые подходили слишком близко к краю обрыва. Хотя нет, в данном случае наиболее вероятным результатом стала бы медуза. И все же, несмотря на свое безвредное безумие, няня Думминга была не так уж далека от истины...

Теперь большую часть ночей Тупс проводил в компании Гекса, прочесывая в поисках ответа невидимые писания. Теоретически, благодаря природе Б-пространства в его распоряжении были все книги вселенной. На практике же это означало, что вероятность обнаружения нужной информации сводилась практически к нулю, – в чем и кроется тайная задача всех компьютеров.

Думминг Тупс принадлежал к числу бедняг, на которых лежит печать особой веры – веры в то, что, накопив о вселенной побольше фактов, ты сразу поймешь смысл происходящего. Такие люди задаются целью создать Теорию Всего, хотя Думминга вполне устроила бы Теория Хоть Чего-Нибудь. А порой, когда Гекс уходил в какие-то свои мысленные и наотрез отказывался работать, молодой волшебник готов был согласиться даже на Теорию Чего Угодно.

Но Думминг был бы весьма удивлен, узнай он, что старшие волшебники изменили свое отношение к Гексу на более положительное, и это несмотря на все замечания типа: «А вот в *мое* время мы думали *сами*». В волшебной среде традиционно процветало соперничество. И хотя Незримый Университет временно переживал период мира и спокойствия (никаких вам неформальных убийств, которые делали пребывание в университетских стенах столь смертельно волнующим), в душе старшие волшебники не доверяли юнцу, который прибегал ко всяким заумным средствам, когда самый прямой путь к решению всех проблем традиционно проходит через яремную вену соперника.

Однако было что-то утешительное и греющее душу в том, что лучшие мозги Университета, которые в иные времена породили бы немало смертоносных планов с задействованием фальшивых половиц и взрывающихся обоев, теперь проводили ночи напролет на факультете высокоэнергетической магии. Юные волшебники упоенно обучали Гекса исполнять народные песни и невероятно радовались, когда после шестичасовой работы добивались от машины результата, который любой встречный выдал бы им с ходу и за полпенса. Затем, довольные результатом, техноманты (эта кличка уже успела закрепиться за ними) посылали за пиццей с бананами и суси и засыпали, уткнувшись головой в клавиатуру. «Спи и давай спать другим» – таков был девиз нынешнего Университета.

Думминг, должно быть, задремал, потому что около двух часов ночи его вдруг разбудил чей-то вопль. Обнаружив, что лежит лицом в половине ужина, и отлепив от лица кусок наба-

наненной скумбрии, Думминг предоставил Гексу спокойно тикать в рабочем режиме, а сам отправился исследовать причину суматохи.

Громкие голоса привели его в холл перед большими библиотечными дверями. На полу без чувств лежал казначей, которого обмахивал шляпой главный философ.

– Насколько мы поняли, аркканцлер, – докладывал декан, – бедняга никак не мог заснуть и отправился подыскать себе какую-нибудь книжку...

Думминг посмотрел на библиотечные двери. Не так давно их пересекала широкая полоска черно-желтой клейкой ленты с надписью: «Апасно, Не Входить Ни При Каких Обф-тоятельствах». Теперь лента была сорвана, а двери приоткрыты. В этом Думминг не нашел ничего удивительного. Любой истинный волшебник при виде двери с надписью: «Не открывайте эту дверь. Ни в коем случае. Мы серьезно предупреждаем. Кроме шуток. Открытие этой двери равносильно концу света» – *автоматически* дернет ее ручку, чтобы проверить, из-за чего весь сыр-бор. Что превращает сочинение и развешивание подобных запретов в пустую трату времени, но, по крайней мере, когда придет момент вручать скорбящим родственникам банку с остатками волшебника, можно будет с чистой совестью сказать: «А мы его *предупреждали*».

По ту сторону двери, в темной библиотеке, затаилась тишина.

Чудакулли осторожно, одним пальчиком, толкнул дверную створку.

В библиотеке вдруг что-то зашебуршилось, и библиотечные двери резко захлопнулись. Волшебники отпрянули.

– Не стоит рисковать, аркканцлер! – призвал заведующий кафедрой беспредметных изысканий. – Я уже пытался туда войти. Надо сказать, когда на меня обрушился весь раздел Критических Эссе, мое положение было весьма критичным!

Из-под дверей лился синий свет.

Где-нибудь в другом месте люди могли бы возразить: «Но это всего лишь книги! Книги не опасны!» Однако даже самые обычные книги опасны, не говоря уже о таких, что носят названия типа «Создайте Гелигнит У Себя Дома». Человек сидит себе в каком-нибудь музее и пишет безвредную книгу по политэкономии. А потом ни с того ни с сего тысячи людей, которые в глаза эту книгу не видели и не читали, вдруг начинают гибнуть – а все потому, что те, кто ее читал, не поняли шутку юмора. Знание опасно, поэтому правительство, мягко скажем, недолюбливает людей, способных генерировать мысли крупнее определенного калибра.

А библиотека Незримого Университета была волшебной библиотекой, размещающейся на тончайшем лоскутке времени и пространства. На самых дальних ее полках можно было найти не только книги, которые еще не написаны, но и книги, которые никогда *не будут* написаны. Или будут написаны, но не здесь. Длина окружности, вдоль которой располагались эти таинственные книги, составляла несколько сотен ярдов, но радиус, насколько было известно, приближался к бесконечности.

А еще в волшебной библиотеке книги протекают и учатся друг у друга...

– Они теперь набрасываются на любого, кто входит в библиотеку, – пожаловался декан. – Без библиотекаря никакой управы на них нет!

– Но мы же Университет! Мы *обязаны* иметь функционирующую библиотеку! – озадаченно произнес Чудакулли. – Это прибавляет нам *стиля*. Кем бы мы были, если бы не посещали библиотеку?

– Студентами, – криво усмехнулся главный философ.

– Ха, я помню, еще в студенческие времена, – сказал профессор современного руносложения, – старик Глотяга по прозвищу Страшила повел нас в экспедицию. Экспедиция была затеяна в целях поиска Потерянного Читального Зала. Три недели мы там бродили. Уже начали собственные башмаки грызть.

– И как, нашли Потерянный Читальный Зал? – поинтересовался декан.

– Нет, только останки предыдущей экспедиции.

– И что?

– Съели их башмаки.

Из-за двери донесся шлепающий звук, как будто кто-то клацал кожаным переплетом.

– Там есть некоторые гримуары, у них ужасный нрав. – Главный философ покосился на двери. – Иным ничего не стоит за здорово живешь оттяпать человеку пальцы.

– Хорошо, что они в дверных ручках не разбираются, – пробормотал декан.

– Если там есть книга типа «Дверные Ручки Для Начинающих», то разбираются, – показывал головой главный философ. – Они друг друга *читают*.

Аркканцлер бросил взгляд на Думминга.

– Тупс, насколько высока вероятность, что такая книга там есть?

– В соответствии с теорией Б-пространства подобная книга практически наверняка там имеется.

Волшебники снова попятились от дверей.

– Этой чепухе пора положить конец, – заявил Чудакулли. – Надо вылечить библиотекаря. Он болен волшебной болезнью, следовательно, средство от нее тоже должно быть магическим. И мы должны его приготовить.

– Трудно придумать более рискованное предприятие, аркканцлер, – возразил декан. – Его организм во власти множества конфликтующих магических сил. Невозможно предугадать, что произойдет, если мы добавим в этот бурлящий котел еще волшебства. Его временная железа и так на свободном ходу⁶. Капелькой магии больше – и... не знаю, чем все это закончится.

– Вот это мы и выясним, – бесцеремонно оборвал его Чудакулли. – Мы *должны* иметь возможность пользоваться библиотекой. Ради нашего заведения, декан. Незримый Университет – это больше, чем один человек...

– ...Примат...

– ...*Спасибо*, примат, и всегда следует помнить, что «я» – последняя буква алфавита.

Из-за дверей опять донесся глухой стук.

– Чтобы быть совсем уж точным, – вмешался главный философ, – хотелось бы внести небольшое исправление. На самом деле эта буква раскладывается на два звука – «й» и «а». Но так же поступает и предшествующая «ю». А стало быть, последней нормальной буквой алфавита является «э». Быть может, в этой связи нам стоит говорить не «я», а «э»? К примеру, лично э туда даже носа не суну...

– Да-да, конечно. – Чудакулли отнесся к этой вставке как к обычному университетскому фоновому-логическому шуму. – Таким образом, можно назначить библиотекарем кого-нибудь другого... человека опытного и умелого... Гм-м... Может, у кого-то есть предложения? А, декан?

– Хорошо, *хорошо!* – воскликнул декан. – Будь по-твоему. Как всегда.

– Э-э, но, аркканцлер... Магические эликсиры ни в коем случае применять нельзя, – набравшись храбрости, выступил Думминг.

– Правда? – осведомился Чудакулли. – Может, *ты* хочешь поубираться на тамошних полках, а?

⁶ Волшебники искренне убеждены в существовании временной железы, невзирая на то, что до сих пор ни одному, даже самому вездливому, алхимику так и не удалось определить ее местонахождение. В настоящее время крайне популярна теория, согласно которой данная железа существует вне тела, являясь, таким образом, чем-то вроде эфирного аппендикса. В общем и целом временная железа отвечает за возраст бренного земного тела. Будучи чрезвычайно чувствительной к высокоэнергетическим магическим полям, она способна функционировать даже в обратном направлении, поглощая вырабатывающийся в организме хрононин. Алхимики утверждают, что это и есть настоящий ключ к бессмертию. Впрочем, то же самое они говорят по поводу апельсинового сока, черного хлеба и человеческой мочи. Алхимик отрежет собственную голову, если поверит, что это каким-то образом продлит ему жизнь.

– Я пытаюсь сказать, что повлиять на библиотекаря посредством магии не получится. Мы столкнемся с серьезнейшей проблемой.

– Проблем, господин Тупс, не бывает. Есть только возможности.

– Разумеется, аркканцлер. Но прежде чем решать *возможности*, может, нам следует выяснить имя библиотекаря?

Волшебники одобрительно забормотали.

– А паренек прав, – кивнул профессор современного руносложения. – Магическое воздействие возможно, лишь когда знаешь имя того, на кого ты собираешься воздействовать. Одно из основополагающих правил.

– Почему бы нам в таком случае не назвать его библиотекарем? – предложил Чудакулли. – К нему все так обращаются.

– Это всего лишь его должность, аркканцлер.

Чудакулли обвел взглядом лица волшебников.

– Но кто-то же должен знать его имя! Силы небесные, столько лет проработать бок о бок и не знать имени своего коллеги? И это называется «коллектив»? – Чудакулли остановил испытующий взгляд на выбранной жертве. – Декан?

– Гм-м, аркканцлер, он уже довольно долго как... примат, – отозвался декан. – Большинство тех, кто работал с ним, скончались. Отправились на Большую Небесную Пирушку, так сказать. В те времена в Университете уровень карьерности был очень и очень высок⁷.

– Возможно, но какие-то сведения о нем должны были сохраниться.

Все разом вспомнили о бумажных горах и утесах, составляющих документацию Университета.

– Архивариус так их и не нашел, – сообщил профессор современного руносложения.

– А кто у нас архивариус?

– Библиотекарь.

– Но хотя бы в Книге Выпускников за свой год он должен числиться!

– Весьма забавно, – отозвался декан, – однако со всеми до единого экземплярами Книги Выпускников за тот год произошли необъяснимые несчастные случаи.

От внимания Чудакулли не укрылась подчеркнуто деревянная интонация, с которой декан произнес эту фразу.

– И какого рода несчастные случаи? Постой, попробую догадаться. Из каждого экземпляра оказалась вырванной одна конкретная страница, оставившая после себя лишь слабый банановый аромат.

– Точно в яблочко, аркканцлер.

Чудакулли поскреб подбородок.

– Начинает проследиваться закономерность.

– Любые попытки выяснить его имя *всегда* заходили в тупик, – сообщил главный философ. – Он опасается, что мы попытаемся опять превратить его в человека. – Главный философ многозначительно глянул на декана, лицо которого приняло оскорбленное выражение. – *Некоторые* высказывались в том духе, что примат в качестве библиотекаря – вещь для Университета абсолютно неуместная.

– Я просто выражал мнение, согласно которому это идет вразрез с многовековыми университетскими традициями... – начал было декан.

⁷ Как уже сообщалось ранее, наиболее популярный способ сделать себе волшебную карьеру – это ускорить отбытие на небеса тех, кто стоит выше вас по званию. Впрочем, времена меняются, меняются и методы. В Незримом Университете они изменились после нескольких неудачных попыток сместить Наверна Чудакулли, одна из которых закончилась для очередного карьериста двухнедельной глухотой. Чудакулли свято следовал принципу «хорошего человека должно быть много, а вот хорошего места много не бывает».

– Которые сводятся главным образом к участию в мелких склоках, обильным ужинам и идиотским выкрикам посреди ночи про всякие там ключи, – констатировал Чудакулли. – По-моему, мы...

Неожиданно изменившиеся лица волшебников заставили его оглянуться.

В холл вошел библиотекарь. Под тяжестью бесчисленных одеяний он едва передвигал ноги; из-за множества напяленных друг на друга кофт и свитеров руки библиотекаря, в обычных условиях игравшие роль подпорок для ног, теперь торчали почти горизонтально в стороны. Но наиболее ужасающей деталью шаркающего явления библиотекаря народу была красная шерстяная шапочка.

Очень веселенькая. С помпоном. Ее связала госпожа Герпес. Вообще-то, университетская домоправительница вязала весьма неплохо, и единственный ее недостаток заключался в полном неумении хотя бы приблизительно угадать размеры будущего вещеносителя. Волшебник, которому посчастливилось получить вязаный подарок от госпожи Герпес, непременно задавался вопросом: «А не три ли у меня ноги? Или, может, шея радиусом в метр?» В итоге большую часть ее подарков тайком передавали в благотворительные учреждения. Когда речь идет об Анк-Морпорке, в одном можно не сомневаться: каким бы странным ни было одеяние, где-то обязательно найдется тот, кому оно придется в самый раз.

В данном случае ошибка госпожи Герпес заключалась в допущении, что библиотекарю, к которому она питала глубокое уважение, всенепременно понравится красная шапка с помпоном и «ушами», завязывающимися под подбородком. В результате завязать «уши» можно было лишь под животом, поэтому библиотекарь предпочел оставить их болтаться.

Остановившись у дверей, примат печально посмотрел на волшебников. Потянулся к ручке. Изрек едва слышное «к»... и чихнул.

Груда одежды бесформенно осела. Разбросав кофты, волшебники обнаружили под ними очень большую и толстую книгу в мохнатом рыжем переплете.

– На обложке написано «У-ук», – после небольшой паузы напряженным голосом сказал главный философ.

– А там не говорится, кто автор? – усмехнулся декан.

– Очень смешно, декан.

– Я к тому, может, там указано его настоящее имя?

– Интересно, а что внутри? – любопытно заведующий кафедрой беспредметных изысканий. – Давайте посмотрим оглавление.

– Еще есть желающие полюбоваться на внутренности библиотекаря? – ядовито осведомился Чудакулли. – Только не перекрикивайте друг друга и не толпитесь.

– Характер морфогенетической нестабильности определяется особенностями окружения, – прокомментировал Думминг. – Какая замечательная особенность! Он проводит все свое время в библиотеке и в результате превращается в книгу. Своего рода... защитный камуфляж. Он словно бы эволюционирует, чтобы идеально вписаться в окружение...

– Благодарю за ценные знания, господин Тупс. И какой во всем этом смысл?

– Полагаю, заглянуть внутрь можно, – заключил Думминг. – Книга ведь и предназначена для того, чтобы ее открывали. Здесь даже закладка есть, черная, кожаная...

– А-а, так это *закладка*! – облегченно протянул заведующий кафедрой беспредметных изысканий, до того момента нервно рассматривавший ленточку.

Думминг прикоснулся к книге, которая оказалась довольно теплой. И открылась довольно легко.

Все страницы до единой были заполнены «у-уками».

– Диалоги неплохие, но сюжет слабоват.

– Декан! Буду тебе весьма признателен, если ты отнесешься к происходящему со всей серьезностью! – обрзал Чудакулли. Он задумчиво потопал ногой. – Еще идеи есть?

Волшебники переглянулись и пожали плечами.

– Думаю... – начал профессор современного руносложения.

– Слушай, руновед... Тебя ведь, по-моему, Арнольдом зовут?

– Нет, аркканцлер...

– Ну, не важно.

– Мне кажется... Я знаю, это прозвучит нелепо, но...

– Продолжай, не робей. Мы почти сгораем от нетерпения.

– Мне кажется, всегда можно прибегнуть к такому средству, как... Ринсвинд.

Чудакулли наградил профессора долгим взглядом.

– Это тот самый тощий волшебник-неумеха? С неухоженной бородкой? И за ним еще хвостом таскается ящик на ножках?

– Именно так, аркканцлер. У тебя блестящая память. Некоторое время он был заместителем библиотекаря... как ты, вероятно, помнишь.

– Не то чтобы помню, но все равно продолжай.

– Он, Ринсвинд, был здесь, когда произошло превращение библиотекаря в... библиотекаря. А еще я помню, как-то раз мы все наблюдали библиотекаря за работой: он очень лихо штемпелует книги по четыре штуки зараз... Так вот, Ринсвинд тогда воскликнул: «Просто потрясающе! Никогда не поверишь, что он родом из Анк-Морпорка!» Готов биться об заклад, если кто и помнит имя библиотекаря, так это Ринсвинд.

– Что ж, в таком случае немедленно ведите его сюда. Нам ведь известно, где он сейчас?

– Мы знаем лишь его формальное местонахождение, аркканцлер, – поспешил вставить Думминг. – Где же он находится *фактически*, сказать довольно трудно.

Чудакулли, нахмурившись, воззрился на Думминга.

– Мы полагаем, что он на ИксИксИксИксе, аркканцлер, – завершил тот.

– На ИксИкс...

– ...ИксИксе, аркканцлер.

– Но я думал, никто не знает, где располагается ИксИксИксИкс.

– Именно, аркканцлер, – подтвердил Думминг.

Очень редко какой-то факт вмещался в голову Чудакулли с первой попытки. Это было все равно что вставлять в некий механизм новую деталь. Вы крутите ее то так, то этак, а потом она вдруг встает на место⁸.

– И что он там делает?

– Трудно сказать наверняка, аркканцлер. Его туда закинуло, насколько вы помните, после приключений в Агатовой империи...

– А что ему там понадобилось?

– Не думаю, что понадобилось в прямом смысле слова *ему*, – уточнил Думминг. – Ведь его туда отправили... *мы*. Это стало результатом тривиальнейшей ошибки в биллокационном чудотворстве... Такую может совершить любой.

– Но совершил, если не ошибаюсь, ты, – парировал Чудакулли, чья память славилась своей способностью неожиданно выкидывать всякие мерзкие коленца.

– Но как *член коллектива*, – подчеркнул Думминг.

– Что ж, если он там оставаться не хочет, да и мы не против, чтобы он очутился здесь, давайте его вер...

⁸ Порой Думмингу казалось, что своими успехами в обращении с Гексом он обязан одновременно невероятному уму и поразительной тупости последнего. Чтобы заставить машину понять какую-нибудь идею, приходилось измельчать ее до крошечных единиц информации, дабы устранить всякую возможность непонимания. Но после пяти минут общения со старшими волшебниками тихие часы в обществе Гекса казались блаженным отдыхом.

Остаток фразы потонул не в шуме, а в своего рода взрыве тишины. Она разорвалась прямо посреди волшебников и была столь всеобъемлющей, что поглотила даже стук их сердец. Старый Том, волшебный и безъязыкий университетский колокол, безмолвно пробил два часа.

– Гм-м... – промолвил Думминг. – Все не так просто.

Чудакулли прищурился.

– Почему? – спросил он. – Вернем его сюда с помощью волшебства. Как отправили, так и вернем.

– Гм-м... Чтобы вернуть его непосредственно сюда, потребуются месяцы подготовки. Круг пятидесяти футов в диаметре – примерно таков будет разброс приземления в случае малейшей неточности.

– И что? Отойдем подальше – и пускай приземляется где хочет.

– Аркканцлер, вы, вероятно, не до конца меня поняли. Малейшее усиление шумового коэффициента при чудотворном переносе на неопределенное расстояние, помноженное на вращение Диска вокруг собственной оси, чревато тем, что переносимый объект практически наверняка... усреднится на площади по меньшей мере в пару тысяч квадратных футов.

– Усреднится?

Думминг набрал в грудь побольше воздуха.

– Упомянутый мной круг – это вовсе не разброс его приземления. Кругом станет сам Ринсвинд.

– А. Вряд ли после этого от него будет какой-то толк в библиотеке.

– Разве что мы поместим его туда в качестве очень большой закладки.

– Гм, похоже, проблема переходит в чисто географическую плоскость. Кто-нибудь из присутствующих разбирается в географии?

Горняки лезли из ствола, как муравьи из горящего муравейника. Внизу что-то бухало, земля содрогалась. В какой-то момент Нисебефига подбросило в небеса. Несколько раз крутнувшись, он улетел обратно в шахту.

Сначала его встретила тишина. Потом поверхность камня, словно яичная скорлупа, раскололась, и из дыры показалось загадочное существо...

Оно огляделось по сторонам.

Горняки, наблюдавшие из своих укрытий, готовы были поклясться, что оно именно огляделось, несмотря на очевидное отсутствие глаз.

Затем существо неловко повернулось. Сотни ножек двигались так, словно после долгого заключения под землей слегка занемели.

Потом, покачиваясь, существо двинулось прочь.

...А где-то далеко, посреди раскаленной от жара пустыни, человек в остроконечной шляпе наконец выбрался из ямы. Обеими руками он сжимал выдолбленную из коры чашку. В чашке содержались... масса витаминов, ценный белок и незаменимые жиры. Заметьте, мы даже словом не обмолвились, будто там что-то извивалось.

Неподалеку тлел костерок. Осторожно установив чашку на огонь, человек поднял большую палку. Постояв немного, он вдруг принялся прыгать вокруг костра, ударяя палкой оземь и выкрикивая «Ха!». Некоторое время спустя, несколько утолив свою ярость на ландшафт, он набросился на кусты так, словно те нанесли ему личную обиду. Потом досталось и невысоким деревцам.

Так продолжалось, пока ему не подвернулись два больших плоских камня. Человек поднял один из них, возвел к небу глаза, крикнул «Ха!» и изо всех сил швырнул камень о землю. Со вторым камнем повторилась та же процедура.

Наконец, должным образом усмирив окружающую местность, человек принялся за трапезу, пока та окончательно не разбежалась.

На вкус ужин очень напоминал цыпленка. Впрочем, когда вы голодны, курятиной кажется практически все.

Из ближайшего водоема за человеком следили. Глаза эти принадлежали не жучкам и не головастикам, из-за которых следовало внимательнейшим образом изучать каждую пригоршню воды, прежде чем отправить ее в столь капризный человеческий желудок. О нет, данные глаза были куда древнее. И в данный момент они были совершенно лишены физической формы.

Странный человечек, питающийся сейчас у костра, умел находить воду лишь одним способом: щупая собственные ноги и проверяя, не промокли ли они, – и в этой сожженной дотла земле он выжил лишь потому, что с завидной регулярностью падал в местные лужи-водоемы. А еще он всегда считал пауков милыми безвредными букашками. Да, он заработал пару неприятных потрясений, но на самом деле его руки уже должны были бы превратиться в светящиеся по ночам пивные бочата. А однажды он вышел к морю и, купаясь, вдруг заметил очень интересную голубую медузу – и тут же поплыл к ней полюбопытствовать. Только заботами наблюдателя человечек получил самый легкий поверхностный ожог, который перестал причинять мучительную боль всего-навсего через каких-то три-четыре дня.

Водоем вдруг забурился. Земля затряслась. Казалось, хоть небо и безоблачно, где-то бушует буря.

Было три часа утра. Но ради дела Чудакулли готов был мириться с недосыпанием – когда недосыпали другие.

По своим размерам Незримый Университет внутри существенно превышал себя же снаружи. Тысячелетия в качестве ведущего мирового центра практической магии, где наличие того или иного измерения определяется главным образом случайностью, сделали свое дело: здание выпячивалось там, где просто нечему было выпячиваться, и наоборот. Посетитель мог попасть в комнату с комнатой же внутри, а стоило ему зайти в последнюю, как обнаруживалось, что он снова в той же комнате, с которой начал, – ситуация весьма проблематичная, в особенности если танцевать в тот момент широко известный танец змеи.

И благодаря своим масштабам Университет мог позволить себе содержать почти неограниченное число служащих. Сроки контрактов продлевались автоматически, а точнее, их и вовсе не было. Все, что требовалось, это найти пустующую комнату, занять ее и вовремя являться на обеды. Никто никого ни о чем не расспрашивал, разве что, если особенно не везло, приставали студенты.

При достаточно настойчивом поиске в дальних уголках Университета можно было найти специалиста по чему угодно. В том числе специалиста по нахождению специалистов.

Профессора условной архитектуры и оригами-карт разбудили ни свет ни заря и представили аркканцлеру, который даже не подозревал, что в подведомственном ему учреждении обитает нечто подобное. Профессор явился с картой Университета, походившей на взорвавшуюся хризантему и претендовавшей на то, чтобы на ближайшие несколько дней считаться более-менее точной.

То и дело сверяясь с картой, после долгих блужданий волшебники наконец добрались до двери с заветной медной табличкой. Аркканцлер вперился в табличку таким свирепым взглядом, как будто пытался переглядеть ее.

– «Ширако Известный И Висьма Знаменитый Прохвессор Жестокой И Ниобычной Географии», – прочел он. – Похоже, мы попали куда надо.

– Мы прошли *мили*. – Задыхаясь, декан прислонился к стенке. – Здесь все совершенно незнакомое.

Чудакулли огляделся. Стены были каменные, но в то же время окрашенные в тот особый учрежденческо-зеленый цвет, который получается, если на пару-другую недель оставить на столе недопитый кофе. Имелась также доска объявлений, обитая облезлым фетром – тоже зеленым, но более темного оттенка. К ней кнопкой крепилась бумажка с оптимистичной надписью «Абъявления». Однако, судя по виду доски, объявлений на ней никогда не было и не будет. Пахло застарелыми ужинами.

Пожав плечами, Чудакулли постучал в дверь.

– Я такого профессора и не помню даже, – заметил профессор современного руносложения.

– А я припоминаю, – ответил декан. – Не слишком многообещающий был юноша. Хотя умел слушать. Впрочем, должен признать, за последние годы я его ни разу не встречал. Помнится, он всегда был очень загорелый. Для наших мест это довольно необычно.

– Он член профессорско-преподавательского состава и специалист по географии. То есть как раз тот, кто нам нужен.

С этими словами Чудакулли постучал снова.

– Может, он вышел? – предположил декан. – Ведь, чтобы все время быть в курсе географии, нужно находиться где-нибудь рядом с ней, то есть снаружи.

Чудакулли указал на небольшое приспособление, которое, как правило, крепилось возле двери каждого преподавателя и представляло собой деревянную рамку со скользящей панелькой. В настоящий момент открытым было слово «ПРИСУТСТВУЕТ», а скрытым, предположительно, «ОТСУТСТВУЕТ». Хотя, когда идет речь о волшебниках, ни в чем нельзя быть уверенным наверняка⁹.

Декан предпринял попытку подвигать панельку. Двигаться она наотрез отказывалась.

– Но *иногда* он ведь должен выходить, – заметил главный философ. – Хотя в три часа ночи все нормальные люди спят.

– Да уж, – многозначительно поддакнул декан.

Чудакулли что было сил заколотил в дверь.

– Открывай немедленно! – крикнул он. – Я глава этого Университета!

Под его ударами дверь слегка подалась. Тогда волшебники дружно налегли на нее, и после нескольких минут пихания и толкотни выяснилось, что дверь приперта изнутри гигантской бумажной кипой. Декан поднял пожелтевший листок.

– Циркуляр, в котором сообщается о моем назначении деканом! – воскликнул он. – Сколько лет назад это было!

– Но *иногда* он ведь должен выхо... – Главный философ осекся на полуслове. – О боги...

Другим волшебникам пришла в голову та же мысль.

– А помните беднягу Уолли Слуввера? – с трепетом оглядываясь по сторонам, чуть слышно произнес завкафедрой беспредметных изысканий. – Три года *посмертного* преподавания...

– Студенты, однако, сигнализировали, что слишком уж тихо он себя ведет, – ответил Чудакулли и принялся. – Но *здесь* ничем таким не пахнет. Я бы даже сказал, напротив, пахнет очень даже приятно. Приятный соленый аромат. Ага...

Из-под двери в противоположном конце заваленной бумагами и пыльной комнаты блеснул свет. За дверью кто-то негромко плескался.

– Принимаем ванну. Это хорошо, – заметил Чудакулли. – Что ж, не стоит его беспокоить.

Он принялся читать названия заполонивших комнату книг.

⁹ К примеру, завкафедрой творческой неопределенности имел наглость заявлять, что лично он всегда пребывает в состоянии присутствия и отсутствия одновременно – до тех самых пор, пока к нему в дверь кто-нибудь не постучит. Следовательно, до момента стука он не отсутствует, но и не присутствует. Логика – замечательная штука, однако против человеческого мышления она бессильна.

– Бьюсь об заклад, здесь наверняка найдется масса сведений про ИксИксИксИкс, – добавил он, наугад вытягивая один том. – Подключайтесь. Один человек – одна книга.

– Может, хотя бы за завтраком пошлем? – пробурчал недовольный декан.

– Рано завтракать.

– Тогда за ужином.

– А ужинать поздно.

Заведующий кафедрой беспредметных изысканий огляделся. По стене прошмыгнула ящерица и исчезла.

– Ну и беспорядок! – Завкафедрой недовольно рассматривал место, где только что была ящерица. – Кругом пыль. А в этих ящиках что?

– На крышке написано «Абразцы Парод», – ответил декан. – Разумно. Хочешь изучать внешний мир – изучай его там, где тепло и мухи не кусают.

– Но что здесь делают рыбацкие сети и кокосовые орехи?

Обоснованность данного замечания декан не мог не признать. Даже по чрезвычайно растяжимым волшебным стандартам в кабинете географа царил настоящий хаос. Валяющиеся повсюду книги перемежались пыльными булыжниками с наклеенными на них разнообразными этикетками вроде «Породы С самого Низа», «Другие Породы», «Любопытные Породы» и «Скорее Всего Не Породы». На остальных ящиках, к вящему интересу Думминга, красовались совсем уж загадочные этикетки: «Выдающиеся Кости», «Кости» и «Неинтересные Кости».

– Думается мне, он из любителей совать нос куда не следует, – фыркнул профессор современного руносложения.

Фыркнув еще раз, он взглянул на книгу, которую только что наугад вытащил.

– Коллекция сушеных кальмаров, – сообщил он.

– И как она, в хорошем состоянии? – оживился Думминг. – Я в детстве собирал морские звезды.

Захлопнув книгу, профессор современного руносложения сердито посмотрел на своего молодого коллегу.

– Нисколько не сомневаюсь, – отозвался он. – И всякие окаменелости ты, наверное, тоже собирал?

– Лично я всегда считал, что ископаемые окаменелости могут многое нам поведать, – сказал Думминг. – Впрочем, возможно, я ошибался, – мрачно заключил он.

– А вот лично я никогда не верил в эти камни, которые на самом деле якобы мертвые животные, – отозвался профессор современного руносложения. – Это противоречит здравому смыслу. Ну зачем животным превращаться в камни?

– Как же в таком случае ты объяснишь существование ископаемых? – поинтересовался Думминг.

– А я и не намерен ничего объяснять. – Профессор современного руносложения победоносно улыбнулся. – Чем сэкономлю себе массу времени. Вот ты, к примеру, господин Тупс, можешь объяснить, как сохраняют свою форму сосиски, когда с них снимешь шкурку?

– Что? О чем это ты? И с какой стати мне это знать?

– Вот-вот. Не зная даже такой мелочи, ты притязаете на понимание устройства вселенной. К тому же зачем вообще *объяснять* ископаемые? Они есть, и довольно. К чему превращать все в тайну тайн? Если без конца задаваться вопросами, то *вообще* ничего не успеешь.

– Но... для чего мы здесь? Почему? И...

– Ну вот, опять ты за свое, – профессор современного руносложения покачал головой.

– Тут говорится, он опоясывается морем, – раздался голос главного философа.

Его взгляд встретился с ошарашенными взглядами остальных.

– Континент ИксИксИксИкс, – добавил он, указывая на страницу. – Тут сказано: «Об ИксИксИксИксе известно лишь, что он опоясывается морем».

– Приятно видеть, что хотя бы кто-то занят делом, – съязвил Чудакулли. – Вы двое можете брать с философа пример. Итак, главный философ... как ты сказал? «Опоясывается морем»?

– Так тут написано.

– Что ж... по-моему, это очень даже логично. Что-нибудь еще?

– Была у меня одна знакомая, так ее частенько опоясывали. Но не моря всякие, а ее папая, – подал голос казначей.

После пережитого в библиотеке ужаса разум казначея, и без того функционирующий достаточно случайным образом, наконец обрел временный покой в хорошо знакомых розовых облаках.

– Гм... Сведений слишком много. – Главный философ принялся листать страницы. – Сэр Родерик Пурдай, посвятивший долгие годы поискам мнимого континента, в итоге пришел к заключению – и впоследствии яростно его отстаивал, – что никакого ИксИксИксИкса не существует.

– Как опояшет, так опояшет. Она потом неделю сидеть не могла. Веселая девчонка была. Гертрудой Плюшер звали. Лицо у нее, правда, было кирпичом...

– Н-да... Но про сэра Родерика известно и другое: однажды он умудрился заблудиться в собственной спальне, – сказал декан, отрываясь от изучения другой книги. – В конце концов его нашли в платяном шкафу.

– Интересно, а за что наказывают ИксИксИксИкс? – гнул свое казначей.

– За дело, казначей, наверняка за дело, – отозвался Чудакулли. Он кивком указал на него остальным волшебникам. – Ни в коем случае не позволяйте ему есть конфеты и фрукты.

На некоторое время воцарилась тишина, нарушаемая лишь плеском воды за дверью, шелестом переворачиваемых страниц да бессвязным бормотанием казначея.

– Как утверждает Уоспорт в «Жизнях Незамечательных Людей»... – Главный философ прищурился, разбирая крошечный шрифт. – Так вот, однажды он встретил старого рыбака, который утверждал, будто на том континенте зимой с деревьев опадает кора, а листья остаются.

– Это все выдумки, – возразил Чудакулли. – Призванные поддержать интерес читателя. Кто станет тебя читать, если все, что ты можешь сообщить по возвращении из экспедиции, это что ты потерпел кораблекрушение и целых два года жрал всяких морских гадов? Нет, надо обязательно сдобрить рукопись рассказами о людях, которые ходят на одной большой ноге, о Стране Большой Сливы и прочим из серии бабушкиных сказок.

– Нет, вы только послушайте! – воскликнул профессор современного руносложения. До сих пор он молчал на своем конце стола, погруженный в изучение большого тома. – Здесь говорится, что жители острова Слякки всегда ходят голыми и что женщины у них несравненной красоты.

– Должно быть, кошмарное местечко, – чопорно поджал губы заведующий кафедрой беспредметных изысканий.

– Здесь есть несколько гравюр.

– Вряд ли кто из нас заинтересован в их изучении. – Чудакулли обвел взглядом присутствующих и, уже громче, повторил: – *Я сказал, что никому из нас это не интересно.* Декан! Вернись на свое место и подними уроненный тобой стул!

– ИксИксИксИкс упоминается в «Змеях Всех Времен и Народов» Вренчера, – сообщил завкафедрой беспредметных изысканий. – Тут говорится, что на этом континенте очень мало ядовитых змей... О, здесь еще сноска. – Его палец скользнул по странице. – «Их практически уничтожили пауки». Как странно...

– Ого! – снова изумился профессор современного руносложения. – А вот я еще прочитал. «Абитатили острада Пердю также прибывают в первосбитном состоянии... – с трудом продираясь сквозь древний текст, продекламировал он. – Ани атличны добрым здоровьем и статностью и ивляют сабой пример... самых стаячих дикарей».

– Дай-ка взглянуть, – нахмурился Чудакулли. Книгу по цепочке передали ему. – Тут пара букв затерлась. «Настаячих», то бишь «настоящих». По-моему, эти гравюры со Слякки дурно на тебя повлияли, руновед.

– А на гравюре с Пердю этот дикарь выглядит... очень даже стоячим.

– Руновед, это у него посох, – покачал головой Чудакулли. – Может, тебе казначеевых пилюль дать?

– А он довольно *долго* принимает ванну, вам не кажется? – через некоторое время нарушил молчание декан. – Я и сам люблю потереться мочалкой, но мы ведь здесь не шутки собрались шутить.

– Да уж, что-то он расплескался... – заметил главный философ.

– пляж, волны плещут... – безмятежно улыбнулся казначей.

– Кстати... в этих звуках определенно присутствует некий чаячий компонент.

Чудакулли поднялся, приблизился к двери в ванную и уже приготовился было постучать.

– Но я аркканцлер или кто? – вдруг грозно спросил он, опуская кулак. – Я могу открыть любую дверь, которую пожелаю, так что...

И он повернул ручку.

– Вот, – торжественно сказал он, махнув рукой в открытую дверь. – Видите, господа? Совершенно заурядная ванная комната. Мраморная ванна, медные краны, пробка, смешная мочалка в форме утенка... Самая что ни на есть заурядная ванная комната. А не какой-нибудь, позвольте подчеркнуть, тропический пляж. В этой ванной нет ничего даже отдаленно похожего на тропический пляж.

Потом он ткнул пальцем в открытое окно, за которым зеленые волны под слепящим синим небом томно набегали на обрамленный зеленью берег.

– Потому что тропический пляж – вот он, – победоносно заключил аркканцлер. – Убедились? Абсолютно ничего общего.

После сытного обеда, содержавшего массу незаменимых, но довольно-таки шустрых аминокислот, витаминов и минералов, а также, к сожалению, имеющего вкус, человечек с надписью «Валшебник» на шляпе занялся домашними делами – насколько это было вообще возможно в условиях полного отсутствия дома.

Домашние дела состояли в обстругивании деревянного чурбана каменным топором. Чурбан на глазах превращался в короткую и широкую досточку, и скорость, с которой это происходило, наводила на мысль, что человечку такая работа не внове.

На ветку соседнего дерева приземлился какаду. Ринсвинд бросил на попугая подозрительный взгляд.

Добившись желаемого уровня гладкости, Ринсвинд встал на дощечку одной ногой и, покачиваясь в неловком положении, угольком нарисовал на плоской поверхности контур стопы. Повторив процедуру со второй ногой, он возобновил обстругивание.

Прятавшийся в водоеме наблюдатель понял, что его подопечный изготавливает себе деревянное подобие обуви.

Затем Ринсвинд извлек из кармана бечевку. Ее он сделал из шкурки одного пресмыкающегося – правда, перед этим было и несколько неудачных попыток: сначала большей частью попадались пресмыкающиеся, никак не желавшие отдавать свои шкурки, зато щедро делившиеся своим ядом, от которого по всему телу шла жуткая алая сыпь. Но, пережив несколько видов сыпи, Ринсвинд наконец поймал искомую тварь.

Так вот, если просверлить в деревянной подошве отверстие и продеть туда бечевку в форме петли, то получится нечто вроде урских сандалий. Конечно, шаркая в таких сандалиях, начинаешь походить на какого-нибудь Прародителя Рода Человеческого, но имеются и некоторые плюсы. Во-первых, если при ходьбе издавать мерное «хлоп-хлоп», то любому опасному

существу покажется, что идет не один человек, а двое. Безопасных существ в этой пустыне Ринсвинд пока не встречал. И во-вторых, хоть бежать в таких сандалиях нельзя, зато выпрыгиваешь из них в мгновение ока, так что, пока разъяренная гусеница или жук недоуменно разглядывают твои сандалии, гадая, а куда, собственно, подевался второй человек, ты уже успеваешь превратиться в пыльную точку на горизонте.

Ринсвинду приходилось много убежать. Каждый вечер он изготавливал новую пару сандалий, а на следующий день оставлял свою обувь где-то в пустыне.

Покончив с работой, он извлек из кармана свиток тонкой коры. К ней ящеробечевкой крепилась драгоценность – карандашный огрызок. В надежде, что это хоть как-то поможет, Ринсвинд начал вести дневник. Он просмотрел недавние записи.

«Наверна фторник: жара, мухи. Ужин: мидовые муравьи. Жестоко пакусан мидовыми муравьями. Падение в водяную яму.

Кажется среда: жара, мухи. Ужин: кустовой изюм, очень пахощий на кенгуровые катышки, или наабарот. Пачемута за мной погнались ахотники. Падение в водяную яму.

Четверг (может быть): жара, мухи. Ужин: яцирица с синим языком. Яцирица с синим языком аказалась сильно кусачей. Разные ахотники опять за мной гонялись. Упал с обрыва, влетел в дерево, был аписан страдающим недержанием серым медвежонком, приземлился в водяной яме.

Пятница: жара, мухи. Ужин: корневища, на вкус чемто больные. Сыкономил массу времени.

Суббота: жарче абычного, мух тоже больше. Оч. хочется пить.

Воскресенье: жарко. От жажды и мух стал бредить. Насколько хватает глаз – сплошное ничево с кустами. Решил умирать, упал на землю, покатился вниз по склону, очнулся в водяной яме».

Старательно, как можно более мелкими буквами, он вывел: «Понедельник: жара, мухи. Ужин: мотыльные личинки». Прочитал написанное. Добавить, по сути, было нечего.

И почему его здесь так не любят? Встречаешь небольшое местное племя, все очень мило, запоминаешь имена, заучиваешь слова и разговорные выражения, можешь уже поболтать о погоде – и вдруг ни с того ни с сего за тобой уже гонятся. Но ведь погода – это самая распространенная тема для разговоров!

Раньше Ринсвинд считал себя склонным к бегству от реальности. Он постоянно убегал, а реальность постоянно за ним гналась. Но потом он узнал истинное значение этого словосочетания и понял, что тут больше подходит термин «человеконенавистник». Он был человеком, которого ненавидело множество людей. Хотя с чего – непонятно. Допустим, сидит он, Ринсвинд, у костра, завязывает мирный разговор, а собеседник вдруг выходит из себя и гонится за ним, яростно размахивая палкой. Разве это нормально – так злиться из-за невинного вопроса типа: «Что-то дождя давно не было, правда?»

Вздыхнув, Ринсвинд палкой взбил клочок земли – свою сегодняшнюю постель – и улегся спать.

Во сне он вскрикивал, а ноги его время от времени конвульсивно подергивались, как будто куда-то бежали, из чего можно было заключить, что ему снится какой-то сон.

Поверхность водоема пошла рябью. Впрочем, «водоемом» это можно было назвать лишь с большой натяжкой – просто заросшая кустарником лужица в расщелине между камнями, а жидкость, там содержащаяся, называлась водой лишь из-за упорства географов, отказывающих в правомочности терминам вроде «супоем».

И тем не менее вода пошла рябью, как будто что-то плеснулось в самом центре. Странность же этой ряби заключалась в том, что, достигнув края водоема, она не останавливалась,

но продолжала распространяться дальше – расширяющимися кругами тусклого белого света. Добравшись до Ринсвинда, необычные волны заключили его в центр концентрических линий, состоящих из белых точек и потому похожих на нитки жемчуга.

А потом водоем как будто взорвался. *Нечто* вылезло на воздух и устремилось сквозь ночную тьму прочь.

Двигаясь зигзагами, оно перелетало от камня к горе, от нее – к очередному водоему и так далее. Если бы в этот момент гипотетический наблюдатель посмотрел на всю картину с более высокой точки обзора, то заметил бы, что стремительнодвигающийся луч оживлял и другие тусклые линии, которые дымными волокнами стелились над землей, словно являясь ее нервной системой...

За тысячи миль от спящего волшебника светящаяся полоска нырнула в землю, чтобы вновь появиться уже внутри пещеры, скользнув по ее стенам как будто лучом прожектора.

Несколько секунд странный свет витал перед огромной остроконечной скалой, а потом, приняв некое решение, рванулся обратно в небо.

Перелетев через континент, свет вошел в прежний водоем без малейшего всплеска, но опять же несколько волн прокатились по мутной воде, распространившись и на прилегающий песок.

И вновь ночь затихла. Хотя глубоко под землей что-то продолжало рокотать. Кусты задрожали. Птицы на деревьях проснулись и упорхнули.

Спустя некоторое время на поверхности камня возле водоема стала проступать картина из бледных белых линий.

Не считая неведомого обитателя водоема, судьбой Ринсвинда интересовался кое-кто еще.

Смерть держал жизнеизмеритель Ринсвинда на своем письменном столе – подобно зоологу, желающему неотрывно наблюдать за особенно любопытным образчиком.

Жизнеизмерители большинства людей имели стандартную форму, функциональную и соответствующую своему назначению, как считал сам Смерть. Их даже можно было назвать яйцеизмерителями, ведь песчинки являлись секундами человеческих жизней, а стало быть, все яйца были сложены в одну корзину.

Но при взгляде на песочные часы Ринсвинда можно было подумать, что их произвел на свет страдающий икотой и помещенный в машину времени стеклодув. Если судить по числу песчинок – а Смерть оценивал такие вещи с весьма высокой степенью точности, – Ринсвинд должен был умереть давным-давно. Но со временем стекло где-то искривилось, где-то впустилось, поэтому песок зачастую тек в обратном направлении, а то и по диагонали. Ринсвинд перенес такое количество магических ударов и его так часто швыряло во времени и пространстве (он лишь чудом не сталкивался нос к носу с самим собой, несущимся навстречу), что вычислить точную дату окончания его жизни было крайне трудно.

Смерть был знаком с концепцией бессмертного, вечно обновляющегося, тысячеликого героя-победителя, но от комментариев по данному поводу воздерживался. С героями он встречался довольно часто, и, как правило, они были окружены трупами *почти* всех своих врагов. Оглядываясь по сторонам, герои ошалело вопрошали: «Какого черта, енто ктой-то меня?» Если и была какая-то договоренность, согласно которой им дозволялось впоследствии вернуться и возобновить свою деятельность, Смерти это не касалось.

Но порой он задавался вопросом: если существует такой вечный герой, то, наверное, для равновесия должен существовать и вечный трус. Скажем, герой с тысячей сверкающих пяток. В недрах множества культур рождалась легенда о герое, который в один прекрасный день вернется, дабы защищать слабых и угнетенных. Кто знает, быть может, природе для равновесия понадобился антигерой, который ничего подобного делать не станет?

Но в чем бы ни заключалась истина, на практике все сводилось к тому, что Смерть понятия не имел, когда умрет Ринсвинд. Для сущности, привыкшей гордиться своей пунктуальностью, положение весьма неприятное.

Бесшумно скользнув через бархатную пустоту кабинета, Смерть остановился перед моделью Плоского мира. Или то была не модель вовсе?

Взгляд пустых глазниц вперился в миниатюрный Диск.

– ПОКАЖИ, – приказал он.

Драгоценные металлы и камни растаяли. Перед Смертью возникли струящийся течением океан, пустыни, леса, изменчивые облачные ландшафты, похожие на стада буйволов-альбиносов...

– БЛИЖЕ.

Незримое око послушно нырнуло в живую карту. Красная земля плеснулась гигантской волной. Мимо скользнула древняя горная гряда, затем возникла пустыня из камня и песка.

– БЛИЖЕ.

Смерть взирал на фигуру Ринсвинда. Тот мирно спал, периодически подергивая ногами.

– ГМ-М.

Смерть ощутил, как по его спине что-то карабкается. Задержавшись на минутку у него на плече, «что-то» прыгнуло. Скелетик грызуна в черном балахоне приземлился прямо на модель и, отчаянно пища, принялся направо-налево кромсать воздух миниатюрной косой.

Смерть подцепил Смерть Крыс за капюшон и поднял в воздух.

– НЕТ, ТАК НЕЛЬЗЯ.

Смерть Крыс завертелся, силясь вырваться.

– ПИСК?

– ПОТОМУ ЧТО ЭТО ПРОТИВ ПРАВИЛ, – отозвался Смерть. – ВСЕ ДОЛЖНО ПРОИСХОДИТЬ ЕСТЕСТВЕННО.

Словно повинувшись внезапному импульсу, Смерть бросил взгляд на модель Диска и опустил Смерть Крыс на пол. Потом подошел к стене и дернул за шнурок. Где-то далеко зазвонил колокольчик.

Вскоре появился пожилой слуга с подносом в руке.

– Прошу прощения, хозяин. Я чистил ванную.

– ЧТО-ЧТО?

– Ну, потому и запоздал подать чай.

– ПУСТЯКИ. ЛУЧШЕ СКАЖИ, ЧТО ТЕБЕ ИЗВЕСТНО ПРО ЭТО МЕСТО?

Палец Смерти постучал по красному континенту. Слуга склонился к карте.

– Ах, про *это*, – протянул он. – Террор Инкогнита. Когда я был жив, эту землю называли именно так, хозяин. Хотя сам я там ни разу не был. Жуткие течения, знаешь ли. Кучу моряков сгубили. В лучшем случае корабли утаскивало за Край, а в худшем... их прибывало к берегу, сухому, как старушечьи си... ну, очень сухому, хозяин, суше не бывает. И раскаленному, как у демона в... очень раскаленному. Но ты-то там наверняка бывал?

– ВЕРНО. НО, САМ ПОНИМАЕШЬ, ДЕЛА-ДЕЛА, НА ОСМОТР ДОСТОПРИМЕЧАТЕЛЬНОСТЕЙ ВРЕМЕНИ КАТАСТРОФИЧЕСКИ НЕ ХВАТАЕТ.

Смерть указал на гигантскую облачную спираль, медленно кружившую над континентом, – так стая шакалов бродит вокруг умирающего льва, который с виду вполне даже мертв, но кто знает, быть может, ему еще хватит сил один, последний, раз сомкнуть смертоносные челюсти?

– ОЧЕНЬ СТРАННО. ПОСТОЯННЫЙ АНТИЦИКЛОН. А ВНИЗУ ОГРОМНЫЕ ПРОСТРАНСТВА, НИКОГДА НЕ ВИДАВШИЕ НИ БУРЬ, НИ ДОЖДЕЙ.

– Пожалуй, неплохое место для отдыха.

– ИДИ ЗА МНОЙ.

И хозяин и слуга направились в гигантскую библиотеку Смерти. По пятам за ними едва поспевал Смерть Крыс. В библиотеке под потолком клубились облака.

Смерть простер руку.

– МНЕ НУЖНА, – произнес он, – КАКАЯ-НИБУДЬ КНИГА ОБ ОПАСНЫХ СУЩЕСТВАХ ЧЕТЫРЕХИКСНОГО...

Быстро глянув вверх, Альберт тут же прыгнул в сторону. Благодаря быстрой реакции и предусмотрительности, побудившей его свернуться клубочком, он отделался лишь легкими ушибами.

Чуть позже раздался слегка приглушенный голос Смерти:

– АЛЬБЕРТ, БУДУ КРАЙНЕ ПРИЗНАТЕЛЕН, ЕСЛИ ТЫ МНЕ ЧУТЬ-ЧУТЬ ПОМОЖЕШЬ.

Альберт вскарабкался на огромную грудку книг и принялся разбрасывать в стороны громадные фолианты. Наконец Смерть сумел вылезти наружу.

– ГМ-М...

Взяв наугад одну книгу, Смерть прочел текст на обложке:

– «ОПАСНЫЕ МЛЕКАПИТАЮЩИЕ, РЕПТИЛЬИ, АМФИБЬИ, ПТИЦЫ, РЫБЫ, МЕДУЗЫ, НАСЕКОМЫЕ, ПАУКИ, РАКОБРАЗНЫЕ, ТРАВЫ, ДЕРЕВЬЯ, МХИ И ЛИШАЙНИКИ ТЕРРОР ИНКОГНИТА». – Его взгляд пробежался по корешку. – ТОМ 29, – добавил он. – ПОДТОМ В. ОТЛИЧНО.

Он окинул взглядом притихшие полки.

– ВОЗМОЖНО, БУДЕТ ПРОЩЕ, ЕСЛИ Я ЗАПРОШУ ИНФОРМАЦИЮ О БЕЗВРЕДНЫХ СУЩЕСТВАХ ВЫШЕНАЗВАННОГО КОНТИНЕНТА?

Некоторое время они ждали в тишине.

– КАЖЕТСЯ...

– Погоди, хозяин. Вот оно.

Альберт ткнул пальцем. В воздухе ленивыми нисходящими зигзагами летело что-то белое. Смерть подхватил одинокий листок.

Внимательно ознакомившись с его содержанием, он на секунду перевернул бумажку – на тот случай, если что-то написано на обороте.

– Можно взглянуть? – спросил Альберт.

Смерть передал ему листок.

– «Отдельные овцы», – прочел Альберт вслух. – Ну да. Пожалуй, лучше выбрать для отдыха какое-нибудь побережье.

– ОЧЕНЬ ЗАГАДОЧНОЕ МЕСТО. СЕДЛАЙ БИНКИ, АЛЬБЕРТ. ЧТО-ТО ПОДСКАЗЫВАЕТ МНЕ, ЧТО Я ТАМ ПОНАДОБЛЮСЬ.

– ПИСК, – подал голос Смерть Крыс.

– ПРОШУ ПРОЩЕНИЯ?

– «Это уж как пить дать», хозяин, – перевел Альберт.

– Я НЕ СОБИРАЮСЬ НИКОГО ТАМ ПОИТЬ.

Шесть оглушительно молчаливых ударов прокатились над городом: то городские часы по имени Старый Том демонстративно *не* пробили время.

Слуги с грохотом катили по коридору столик на колесах. Аркканцлер наконец сдался и велел подавать завтрак.

Чудакулли опустил руку с рулеткой.

– Попробуем еще разок! – заявил он.

Выйдя в окно, он поднял с песка нагретую солнцем ракушку, после чего, перевалившись через подоконник обратно в ванную, двинулся к двери, которая открывалась в промозглый, заросший мхом внутренний дворик. Из дворика сочился подержанный и грязный утренняя

свет. В воздухе кружилась пара залетных снежинок, попавших сюда лишь благодаря жестокой прихоти судьбы.

Со стороны дворика окно ванной комнаты выглядело как блестящая, масляная и очень черная лужа.

– Так, декан, сунь-ка в окно свой посох, – велел Чудакулли оставшемуся в ванной декану. – И пошебурши им хорошенько.

Там, откуда полагалось торчать посоху, черная поверхность пошла легкой рябью.

– Ну и ну, – произнес аркканцлер, возвращаясь в ванную. – Признаться честно, слышать о таком слышал, но вижу впервые.

– Слушайте, а кто-нибудь помнит историю, которая приключилась с башмаками аркканцлера Бьюдли? – жуя холодную баранину, спросил главный философ. – В его левом башмаке однажды открылась подобная штуковина. Аркканцлеру тогда пришлось нелегко. Когда твои ноги пребывают в разных измерениях, не больно-то побегаешь.

– Не больно-то... – протянул Чудакулли, рассматривая тропическую картину и задумчиво постукивая себя раковиной по подбородку.

– Во-первых, ты не видишь, куда и во что наступаешь... – продолжал главный философ.

– А еще одна как-то открылась в погребе, – сообщил декан. – Обыкновенная круглая черная дыра. Любой помещенный туда предмет бесследно исчезал. И старый аркканцлер Ветровоск отдал распоряжение устроить над ней отхожее место.

– Весьма разумно, – одобрил Чудакулли. Вид у него по-прежнему был задумчивым.

– Мы тоже так считали, пока не нашли вторую дыру на чердаке. Оказалось, что это другая сторона той же самой дыры. Что творилось к тому времени на чердаке, ты можешь себе представить.

– Слушайте, а почему мне никто об этом не рассказывал? – воскликнул Думминг Тупс. – Возможности, которые перед нами открываются, просто поразительны!

– Это все говорят, впервые столкнувшись с такими вот штуками, – покачал головой главный философ. – Но доживи до моих лет, юноша, и ты поймешь: когда находишь нечто, благодаря чему открываются поразительные возможности с перспективой революционно изменить к лучшему жизнь рода человеческого, – в таких случаях лучше всего закрыть крышку и притвориться, будто ты ничегошеньки не видел.

– Однако если расположить выходную дыру над входной и бросить в нижнюю какой-нибудь камешек, то он, появляясь из выходной дыры, будет тут же снова проваливаться во входную... Таким образом, вскоре он будет двигаться со скоростью метеорита, и количество генерируемой энергии превысит все разумные пределы...

– Кстати о метеоризме. На чердаке это самое *количество* чуть не превысило, – кивнул декан, принимаясь за холодную куриную ногу. – Но, слава богам, существует такая вещь, как вентиляция.

Высунув руку в окно, Думминг осторожно помахал ею в воздухе. Тыльная сторона ладони быстро нагрелась.

– И что, никто эти дыры не изучал? – осведомился он.

Главный философ пожал плечами.

– А чего их изучать? Обычные дырки. В каком-то месте скапливается большое количество магии, и она начинает протекать, прожигая окружающий мир, как расплавленное железо прожигает топлёный свиной жир.

– Нестабильные точки в пространственно-временном континууме... – пробормотал Думминг. – Да есть сотни способов, как использовать подобное...

– Во-во. Теперь понятно, отчего наш географ всегда такой загорелый, – усмехнулся декан. – По-моему, это немножко нечестно. География должна познаваться через трудности. А не так, чтобы высунул голову в окно – и вот она, география. Иначе все были бы географами.

– Осмелюсь не согласиться, – возразил главный философ. – На мой взгляд, он всего лишь расширил свой рабочий кабинет.

– Кстати, вам не кажется, что это и есть тот самый ИксИксИксИкс? – задумчиво спросил декан. – Вид вполне чужеземный.

– Море действительно присутствует, – согласился главный философ. – Но можно ли утверждать, что им что-то опоясывается?

– В данном случае оно скорее... оплескивает.

– По-моему, море, способное к опоясыванию чего бы то ни было, должно выглядеть более солидно, – высказался профессор современного руносложения. – Ну, вы понимаете, о чем я. Грозные штормовые волны и все прочее. Тем самым море дает понять всяким чужакам: побережье опоясывается мною, и никем иным, так что держитесь-ка подальше, а то и вас перепояшем.

– Может, нам стоит выйти и разведать обстановку? – предложил Думминг.

– Как только мы туда вылезем, непременно случится что-нибудь ужасное, – мрачно предсказал главный философ.

– Но с казначеем-то ничего плохого не произошло, – возразил Чудакулли.

Волшебники сгруппировались вокруг окна. На линии приборя виднелся человечек в подпернутом до колен балахоне. Над головой у него кружились птицы, а немного в стороне призывно покачивались пальмовые ветви.

– И как это он ухитрился ускользнуть? Должно быть, улучил момент, когда мы отвлеклись, – предположил главный философ.

– Казначе-е-ей! – позвал Чудакулли.

Человечек даже не оглянулся.

– Не хотелось бы, знаете ли, поднимать шум, – промолвил заведующий кафедрой беспредметных изысканий, завистливым взглядом окидывая солнечный берег, – но в моей спальне страшный холод. Вчера ночью даже пуховое одеяло покрылось инеем. Думаю, короткая прогулка по солнышку пойдет мне на пользу.

– Мы здесь не для того, чтобы прогуливаться! – отрезал Чудакулли. – Наша задача – помочь библиотекарю.

Книга с заглавием «У-ук» сладко всхрипнула, словно бы в подтверждение.

– Об этом я и говорю. Среди пальм бедняге сразу станет лучше.

– Предлагаешь заткнуть его между веток? – уточнил аркканцлер. – Не забывай, пока он еще «История Одного У-ука».

– Наверн, ты меня прекрасно понял. День на берегу моря принесет ему куда больше пользы, чем... день неподалеку от берега моря. Пошли уже, а то я совсем замерз.

– Ты совсем свихнулся? Кто знает, какие чудовища там водятся! Посмотри на этого бедолагу там, на берегу! Море, должно быть, кишмя кишит...

– Акулами, – подсказал главный философ.

– Вот именно! А также...

– Барракудами, – добавил главный философ. – Марлинями. Рыбами-мечами. И вообще, судя по виду, это место недалеко от Края, а, как рассказывают рыбаки, там водятся такие рыбы, которым ничего не стоит отхватить человеку руку.

– Н-да, – согласился Чудакулли. – Здоровенные рыбы...

Голос его вдруг изменился, приобретя некие странные нотки. Весь преподавательский состав знал, что на одной из стен кабинета аркканцлера висело чучело очень большой рыбы. Чудакулли охотился за всем и вся. Единственному выжившему петуху в радиусе двухсот ярдов от Университета оставалось кукарекать последние денечки.

– А джунгли! – продолжал главный философ. – Там же страшно опасно! В тамошних дебрях чего только не водится! Смертельно опасные зверюги. Может, там тигры! Или еще хуже:

слоны, гориллы, крокодилы, ананасы! Я туда ни ногой. В общем, аркканцлер, я тебя целиком и полностью поддерживаю. Лучше замерзнуть здесь, чем столкнуться нос к носу с бешеным человекоядным чудищем.

Глаза Чудакулли ярко горели. Он задумчиво погладил бороду.

– Тигры, говоришь? – повторил он. И добавил немного иным тоном: – И... *ананасы*?

– Дикие и смертельно опасные, – решительно подтвердил главный философ. – Один такой отправил на тот свет мою тетку. Мы всей семьей пытались спасти ее, но тщетно. А я ее *предупреждал*, что едят их совсем не так, но старушка меня не слушала...

Декан искоса глянул на аркканцлера. Это был взгляд человека, который тоже очень не хочет возвращаться в стылую спальню и который вдруг сообразил, на какие рычаги следует жать.

– И я согласен, Наверн, – сказал он. – Нет уж, никто не заставит меня лезть через пространственную дыру на какой-то, видите ли, солнечный берег, где море кишмя кишит огромной рыбой, а джунгли – опасной дичью. – Декан зевнул зевком плохого игрока в покер. – О да, я лучше проведу ночь в старой доброй холодной кровати. Не знаю, как ты, конечно. Аркканцлер?

– Мне думается... – начал Чудакулли.

– Да?

– А моллюски? – Главный философ с отвращением затряс головой. – Судя по пляжу, именно в таких местах эти дьявольские твари и водятся. Можете спросить у моего двоюродного брата – правда, для этого вам потребуется хороший медиум. Из них не должна идти зеленая жижа, говорил я ему. И пузыриться они не должны! Но разве он меня слушал?

К этому моменту аркканцлер окончательно созрел – ему так и не терпелось присоединиться к многочисленным непослушным родственникам главного философа.

– Стало быть, пребывание на свежем воздухе пойдет библиотекарю на пользу, гм-м?.. – пробормотал он. – Часок-другой на солнце освежат бедолагу, волюют в него новые силы?

– Но, вполне возможно, нам придется биться за него не на жизнь, а на смерть, аркканцлер. Всякие звери так и жаждут заполучить его себе в лапы. – Декан был сама невинность.

– Гм-м, ты прав, я как-то не подумал об этом. Н-да, весьма важное замечание. Эй, прикажите доставить сюда мой пятисотфунтовый арбалет и стрелы с бронебойными наконечниками, а также дорожный набор таксидермиста! И все десять удочек! И четыре ящика со снастями! И весы побольше!

– Твоя предусмотрительность восхищает, – сказал декан. – Ведь у библиотекаря, когда он почувствует себя немного лучше, может возникнуть желание искупаться.

– Раз так, – вставил Думминг, – я пойду схожу за чародалитом и записными книжками. Надо выяснить, где мы очутимся. Вполне может статься, что это место и в самом деле ИксИксИксИкс. Уж очень у него чужеземный вид.

– А мне, пожалуй, не помешает прихватить пресс для рептилий и гербарий, – вступил в разговор завкафедрой беспредметных изысканий, только что сообразивший, куда ветер дует. – Готов побиться об заклад, там чрезвычайно богатый растительный мир.

– Я же займусь изучением примитивных аборигенок в юбочках из травы, – сообщил заядлый газонокосильщик – декан.

– Ну а ты, руновед, что делать будешь? – осведомился Чудакулли.

– Я? О-о, даже не знаю... – Профессор современного руносношения обвел затравленным взглядом коллег. Те ободряюще ему кивали. – Пожалуй, воспользуюсь случаем и почитаю.

– Правильно, – одобрил Чудакулли. – Потому что мы здесь – и пусть все зарубят себе это на носу! – мы здесь не для того, чтобы прохладиться! И не для того, чтобы получать удовольствие! Это ясно?

– А как же главный философ? – ядовито уточнил декан.

– Я? Получать удовольствие от *этого*? О каком удовольствии может идти речь, когда там можно повстречать что угодно, вплоть до *креветок*! – жалобно воскликнул главный философ.

Чудакулли помедлил, останавливая взгляд по очереди то на одном волшебнике, то на другом. Те в ответ лишь пожимали плечами.

– Послушай, дружище, – наконец нарушил молчание Чудакулли. – Я тщательно обдумал твой рассказ про моллюсков и, кажется, представил себе, что произошло между твоей бабкой и ананасом...

– ...С ананасом это была тетушка...

– ...Между твоей теткой и ананасом, однако... Что смертоносного в обычных креветках?

– Ха! Сам узнаешь, когда тебе на голову упадет целый ящик этих адских тварей, – фыркнул главный философ. – Мой дядюшка *насмёрть* разочаровался в креветках.

– Отлично, отлично, убедил. Возьмите на заметку, все! Избегайте ящиков с креветками! Это понятно? И мы туда не прохлаждаться идем! Все меня понимают?

– Разумеется, – хором отозвались волшебники.

Они все его понимали.

Завершив кошмар паническим воплем, Ринсвинд проснулся.

И увидел человека, который за ним наблюдал.

Скрестив ноги, человек сидел на фоне розовеющего утреннего неба. Он был черный. Не коричневый, ни иссиня-черный, но черный, как космос. Эта пустыня превращала людей в головешки.

Ринсвинд тоже сел и потянулся было за палкой. Но передумал. Рядом с черным человеком в землю были воткнуты два копия, а местные обладатели копий обычно умели ими пользоваться – потому что, если не научишься точно попадать в быстро движущиеся цели, придется есть то, что движется медленно. Кроме того, в руках человек держал бумеранг, с виду весьма угрожающий, совсем не похожий на те милые игрушки, которые швыряешь в воздух и которые потом неторопливо прилетают обратно. Нет, этот бумеранг был большим, тяжелым, плавно изогнутым – такие обратно не прилетают, потому что застревают в чьей-то грудной клетке. И казалось бы, ну что за оружие может быть из дерева? Смех да и только. Но стоило увидеть растущие здесь деревья, как желание смеяться мигом пропадало.

Бумеранг был украшен узорчиком из разноцветных полос, но от этого оружие не выглядело менее опасным.

Ринсвинд постарался принять как можно более безвредный вид, для чего призвал на помощь все свои актерские навыки.

Человек молча разглядывал его. Подобную тишину так и тянет чем-нибудь заполнить. А Ринсвинд был воспитанником культуры, которая с рождения вбивала в тебя навык: если говорить нечего, неси все подряд.

– Э-э... – начал Ринсвинд. – Я... большой человек... человек... из... проклятье, как это... – Наконец он сдался и посмотрел на ненавистно синее небо. – А погода опять наладилась, – заключил он.

Человек издал что-то вроде вздоха, сунул бумеранг под полоску шкуры, представляющую собой его пояс (а по сути, и весь гардероб), и поднялся. После чего подобрал кожаный мешок, перебросил его через плечо, взял копия и, не оглядываясь, легкой походкой зашагал прочь.

Кто-то другой на месте Ринсвинда мог бы и обидеться, но Ринсвинд всегда почитал за счастье увидеть спину уходящего прочь тяжеловооруженного человека. Протерев глаза, он принялся обдумывать предстоящее действие, а именно: поимку и подчинение своей воле завтрака.

– Хочешь личинок? – прозвучал откуда-то шепоток.

Ринсвинд огляделся. Неподалеку находилась яма, из которой он накануне выковырял ужин, а дальше до самого горизонта тянулся пустынный ландшафт, состоящий из колючего кустарника да раскаленных красных камней.

– Я их почти всех выкопал, – слабым голосом отозвался он.

– Не, друг. Я могу открыть тебе секрет, как находить всякие вкусности под кустами. Главное – чухать, где искать, и каждый вечер у тебя на ужин будут деликатесности. Понял, друг?

– А откуда тебе известен мой язык, о таинственный голос? – любопытствовал Ринсвинд.

– А с чего ты взял, шо он мне известен? – в ответ спросил голос. – Я щас говорю на своем языке, а ты понимаешь. А вообще, друг, надо бы тебя откормить. Ща я тебя запою. Жратву будешь находить только так.

– Хорошо бы, – отозвался Ринсвинд.

– Ты стой, где стоишь, и не дергайся.

Бестелесный голос чуть слышно загнусавил под невидимый нос.

Ринсвинд был как-никак волшебником. Не из самых лучших, конечно, но волшебство он чувствовал. Этот гнусавый напев оказывал на него странное воздействие.

Волосы на тыльной стороне ладоней вдруг вспыхнули желанием переселиться на плечи, шея начала потеть. Уши потянулись вверх, а окружающий ландшафт медленно завращался.

Ринсвинд усталился себе под ноги. Да, вот его ноги. По всей видимости. Они стояли на красной земле и не двигались. Зато двигалось все вокруг. Значит, это не у него голова кружится, а у ландшафта.

Напев умолк. Что-то вроде эха металось в голове у Ринсвинда, как будто слова были тенью чего-то более важного.

Ринсвинд на мгновение прикрыл глаза, а потом опять их открыл.

– Э-э... отлично, – проговорил он. – Клевая... песенка.

Он не видел собеседника, а потому говорил с той осторожной вежливостью, с которой обращаешься к вооруженному человеку, стоящему у тебя за спиной.

Наконец Ринсвинд повернулся.

– Мне кажется, ты... гм-м... куда-то направлялся? – произнес он, обращаясь к пустому воздуху. – Э-э... ты меня слышишь?

Даже насекомые умолкли.

– Гм-м... Кстати, тебе случайно не встречался сундук на ножках?

Он заглянул за куст – на тот случай, если таинственный собеседник спрятался там.

– Не то чтобы это очень важно, просто в том сундуке мое чистое белье...

Безграничная тишина недвусмысленно выражала отношение вселенной к чистому белью.

– Так это... Значит, я должен был научиться находить пропитание в кустах? Я правильно понял? – рискнул спросить Ринсвинд.

Потом окинул взглядом ближайшие деревья. Нельзя сказать, чтобы количество плодов на них увеличилось. Он пожал плечами.

– Вот странный тип.

Крепко зажав в руке палку на случай непредвиденного сопротивления, Ринсвинд бочком приблизился к плоскому камню и перевернул его.

Под камнем лежал бутерброд с курятиной.

У него был вполне куриный вкус.

Чуть подальше светившиеся рядом с водоемом бледные белые линии погасли.

Теперь же перенесемся в совсем другую пустыню, которая располагалась где-то там. Странное дело, всегда есть «где-то там». Оно там, где нас нет, до него не дойдешь и не доедешь, хотя оно может быть совсем близко – с другой стороны зеркала или всего во вздохе от вас.

На тамошнем небе нет солнца, разве что небо и есть солнце, поскольку излучает яркую желтизну. А под небом – раскаленно-обжигающие красные пески.

На скале проявилось грубое изображение человека. Постепенно, открываясь слой за слоем, оно усложнялось, словно невидимая рука рисовала кости, органы, нервную систему... душу.

Человек ступил на песок и опустил на землю мешок, который вдруг стал намного тяжелее. Вытянув руки, человек хрустнул суставами пальцев.

Здесь, по крайней мере, можно нормально говорить. Там, в мире теней, он не осмеливался поднимать голос, чтобы не поднять заодно и горы.

Он произнес слово, которое по ту сторону скалы потрясло бы леса и создало луга. На истинном языке вещей, на котором говорил человек, это слово означало нечто близкое к «обманщику». Обманщики, они же трикстеры, существуют во многих системах верований, однако легкомысленное звучание этого прозвища может быть... обманчивым. Обманщики обладают своеобразным чувством юмора, и одна из наиболее популярных шуточек в их среде – это подложить под ваше сиденье фугас.

Появились черная и белая птицы и уселись человеку на голову.

– Вы знаете, что делать, – сказал старик.

– Он? Ну и чмо! – отозвалась одна птица. – Я наблюдала за ним. Просто очутился в нужное время в нужном месте.

Старик кивнул, показывая, что, возможно, это и есть настоящее определение героя.

– И зачем столько шума-пыли? Неужель так трудно сделать все самому?

– Потому что это должен сделать герой.

– И без моей помощи, естественно, не обойтись, – фыркнула птица.

Надо отметить, фыркать через клюв – довольно-таки трудная задача.

– Точно. Можешь лететь.

Птица пожалала крыльями – как раз это было не так уж и сложно – и, сорвавшись в воздух, пролетела прямо сквозь камень. Еще несколько секунд на нем светилось изображение птицы, которое потом поблекло и исчезло.

Между создателем и богом большая разница. Работа создателей не из легких, ведь они создают места. А богов создают люди. И это многое объясняет.

Старик уселся на камень и стал ждать.

При одной мысли о купальном костюме волшебник начинает нервничать. «Ну почему все купальные костюмы должны быть такими... незакрытыми?! – гневно восклицает он. – И почему так мало золотого шитья? И какой вообще толк от одежды, на которой нет по крайней мере сорока полезных кармашков? А оккультные символы из блесток?! Для них, как видно, места не нашлось. И где, если уж на то пошло, лацканы?»

Кстати, о покрываемости. Жизненно важно, чтобы как можно большая часть волшебника была закрыта, дабы не пугать девушек и лошадей. Может, на свете и встречаются молодые волшебники, эдакие бронзовокожие, мускулистые красавцы, но только не в Незримом Университете с его бесконечными завтраками-обедами-ужинами. Впрочем, именно благодаря последним волшебник обретает свой вес в обществе.

Ну а чтобы отделить волшебника от его остроконечной шляпы, требуется приложить немало усилий и даже задействовать тяжелую технику.

Заведующий кафедрой беспредметных изысканий покосился на декана. Оба носили одеяния, в которых превалировали красно-белые полосы.

– Кто последним прыгнет в воду, тот останется один-одинешенек на берегу! – крикнул он¹⁰.

Из моря торчал плоский валун, омываемый волнами. На валуне, подвернув мантию, стоял аркканцлер Незримого Университета. Важно раскурив трубку, Наверн Чудакулли забросил в волны леску с таким устрашающим количеством блесен, поплавков и грузил, что сразу становилось ясно: любая рыба, не попавшаяся на крючок, все равно будет оглушена тем или иным тяжелым предметом.

Смена обстановки положительно повлияла и на библиотекаря. Не прошло и нескольких минут с тех пор, как его вынесли на берег, а он уже вчихал себя в привычную форму и теперь сидел на берегу, обернувшись одеялом и прикрыв голову большим листом папоротника.

А день и впрямь был чудесный. Небо и вода источали тепло, море нежно мурлыкало, в ветвях деревьев шептал ветер. Библиотекарь знал, что ему полагается чувствовать себя лучше, но вместо этого в нем росло острое чувство беспокойства.

Он огляделся. Профессор современного руносложения уснул, прикрыв глаза книжкой. Изначально она называлась «Принципы Чарораспространения», но, изменившись под влиянием солнечных лучей и особых высокочастотных вибраций со стороны песчинок, заглавие на обложке теперь гласило: «Заговор «Омега»¹¹.

Неподалеку в воздухе висело окно, сквозь которое виднелся прямоугольник ванной комнаты. Заподозрив это инженерное решение в непрочности, аркканцлер на всякий случай подпер окно палкой. Из припиленной к раме записки сразу становилось понятно, что автор послания очень тщательно подбирал слова: «Диревяшку Не Убирать. Даже Штобы Праверить, Что Будет. ЭТО КРАЙНЕ ВАЖНО!»

За пляжем виднелся лес, карабкающийся по склону довольно-таки остроконечной горки, хотя и недостаточно высокой, чтобы претендовать на заснеженную вершину.

Библиотекарь устался на обрамляющие пляж деревья. Они что-то смутно напоминали и навевали приятные мысли о доме. И это было весьма странно, поскольку родился библиотекарь в Анк-Морпорке, в Луннолужном переулке, в доме рядом с мастерской седельных дел мастеров. Но при взгляде на деревья что-то в самой сердцевине его существа отзывалось. Хотелось на них вскарабкаться и...

И все же что-то с этими деревьями было не так. Библиотекарь посмотрел на раскиданные по берегу красивые ракушки. С ними тоже было что-то не так. У него даже мурашки по спине забегали.

Над головой кружились несколько птишек – тоже неправильных. О нет, с формой у них было все в порядке (насколько библиотекарь разбирался в птицах), и звуки они издавали вполне птичьи. Но были *неправильными*.

Вот проклятье...

Он попытался сдержать отчаянный чих, однако назальную инерцию уже было не остановить. Поэтому библиотекарь все же чихнул и, наверное, правильно сделал – ни в коем случае не пытайтесь сдержать чих, если хотите и дальше идти по жизни с целыми барабанными перепонками.

Последовал всхрип, за ним – стук, и библиотекарь преобразился в нечто соответствующее пляжному пейзажу.

¹⁰ Волшебники тоже любят игры на свежем воздухе, вот только соответствующий словарный запас у них очень ограничен.

¹¹ Это не магия, а самый обычный вселенский закон. Люди строят планы прочесть в отпуске книги, которые давно хотели прочесть, однако алхимическая комбинация солнца, кристаллов кварца и кокосового масла вызывает загадочную метаморфозу: всякая умная и поучительная книга практически сразу превращается в пухленький томик с названием, содержащим по меньшей мере одно греческое слово, – «Императив «Гамма», «Сезон «Дельта», «Проект «Альфа» и, в особо тяжелых случаях, «Каперы Му Кау Пи». Иногда на обложке возникают повернутые не в ту сторону серп и молот, что, вероятно, объясняется очередными пятнами на солнце. Библиотекарю просто повезло: он чихнул в очень подходящий момент, иначе непременно превратился бы в очередной тысячестраничный том, испещренный оружейными спецификациями.

Говорят, в пустыне хватает сытной и питательной еды. Главное – знать, где искать.

Как раз об этом и размышлял Ринсвинд, извлекая из норки тарелку с кусками шоколадного торта. Торт был посыпан кокосовой крошкой.

Он осторожно покрутил тарелку.

Что ж, доказательства налицо. Он и в самом деле научился находить еду в этом гиблом, безжизненном месте. И пусть вокруг по-прежнему пустыня, зато внутри не так пусто.

Но, наверное, все дело в неких скрытых способностях. Те добрые люди, что в течение последних нескольких месяцев периодически делились с Ринсвиндом едой, питались совсем иначе. Они выращивали убогий ямс, постоянно копали какие-то корешки, а на горячее подавали всяких тварей с большим количеством глазных яблок, чем было найдено Стражей в обители Медли, Медицинского Клептоманьяка.

Наконец-то с ним случилось хоть что-то хорошее. Наверное, кто-то где-то хочет, чтобы он *остался в живых*. А вот эта мысль вселяла беспокойство. В живом виде Ринсвинд мог потребоваться только для того, чтобы подкинуть ему очередную гнусность.

За несколько месяцев странствий по пустыне Ринсвинд очень изменился. К примеру, его волшебный балахон стал изрядно короче. Оторванные от подола лоскутки шли на бечевки для сандалий, а после особо экзотических встреч использовались в санитарно-медицинских целях. И теперь из-под балахона торчали колени, а, надо сказать, колени волшебника – это зрелище не для слабонервных. Скорее оно тянет на «детям до шестнадцати».

Но шляпу Ринсвинд берег как зеницу ока. Он сплел для нее новые широкие поля и пару раз даже восстанавливал ее острый кончик – с помощью тех же лоскутков, оторванных от того же балахона. Правда, большую часть блесток пришлось заменить кусочками ракушек, примотанными стеблями травы, – но все равно это была его шляпа, старая добрая шляпа волшебника. Волшебник без шляпы – это всего-навсего человек в подозрительно женском наряде. Волшебник без шляпы – никто и звать никак.

Однако шляпа является лишь атрибутом, никак не влияющим на, допустим, зрение волшебника. Поэтому Ринсвинд не заметил рисунка, проявившегося на полускрытом в кустарнике камне.

Сначала могло показаться, что рисунок этот напоминает птицу. Но потом, продолжая выглядеть давними, якобы случайными мазками неведомого художника, использовавшего уголь и охру, изображение вдруг стало меняться...

Быстро покончив с завтраком, Ринсвинд пустился в сторону высившихся на горизонте гор. Прошло уже несколько дней, с тех пор как он впервые их увидел. Ринсвинд не имел ни малейшего понятия, зачем туда нужно идти, но, по крайней мере, эти горы представляли собой хоть какую-то цель.

Земля под ногами слегка подрагивала, и продолжалось это вот уже несколько дней кряду: несколько раз в день земля обязательно начинала дрожать, что было весьма странно, поскольку ландшафт вокруг совсем не выглядел вулканическим. Наоборот, в такого рода местности вы несколько сотен лет можете таращиться на какую-нибудь скалу, а потом, когда с ее вершины упадет камешек, это станет главной темой всех соседских разговоров на ближайшие пару веков. По всем признакам, местная местность давным-давно завязала с геологической аэробикой, успокоившись и остепенившись. В иных обстоятельствах тут даже могли бы жить люди.

Некоторое время спустя Ринсвинд заметил, что с вершины небольшого камня за ним следит кенгуру. Кенгуру попадались ему и раньше: гигантскими прыжками они мчались прочь сквозь кусты, улепetyвая со всех лап. Привычки ошиваться в непосредственной близости от людей за ними не водилось.

А эта зверюга, похоже, охотится на него. Но разве кенгуру не придерживаются вегетарианской диеты? Или одежда на нем вдруг позеленела?

Ринсвинд осторожно двинулся дальше. И он совсем не испугался, когда, выпрыгнув из кустарника, кенгуру вдруг приземлился перед самым его носом.

Коснувшись лапой уха, зверь многозначительно посмотрел на Ринсвинда.

Затем, коснувшись другой лапой другого уха, кенгуру сморщил нос.

– Да-да, просто отлично, – сказал вместо приветствия Ринсвинд.

Он было попятился, но тут же остановился. В конце концов, это всего лишь большой... допустим, кролик с очень длинным хвостом и ногами, которые, как правило, весьма идут к красному носу и мешковатым штанам.

– Я тебя не боюсь, – решительно заявил Ринсвинд. – С какой стати мне тебя бояться?

– А с той, – отозвался кенгуру. – К примеру, я могу сделать так, что твой желудок мячиком вылетит у тебя из хлебальника.

– А-а! Ты говорящий?

– Быстро соображаешь, – похвалил кенгуру и опять коснулся лапой уха.

– Что-то не так? – осведомился Ринсвинд.

– Да не, это я по-кенгуриному. Практикуюсь помаленьку.

– И что же это за язык? Один раз почешешь ухо – «да», два раза – «нет»?

Кенгуру опять почесал ухо, но потом опомнился.

– Точняк, – кивнул он. И наморщил нос.

– А сморщенный нос что значит?

– Это значит: «Бежим скорее, кто-то упал в глубокую яму».

– Наверное, очень распространенное выражение?

– Ты офигеешь, насколько.

– А как на кенгурином будет: «У меня для тебя есть задание чрезвычайной важности»? – вкрадчиво-невинно поинтересовался Ринсвинд.

– Кстати, хорошо, что спросил...

Сандалии почти не шелохнулись. Ринсвинд вылетел из них, будто стартующая ракета из поддерживающих опор, и приземлился на уже бегущие в воздухе ноги.

Некоторое время спустя зверь догнал его. Кенгуру передвигался легкими длинными прыжками.

– Почему ты убегаешь? Ты ведь даже не дослушал.

– У меня длительный опыт пребывания в собственной шкуре, – огрызнулся Ринсвинд. – Я *знаю*, что будет дальше. Меня опять втянут в историю, которая меня не касается. А ты просто-напросто галлюцинация, вызванная сытной едой на пустой желудок, так что даже не пытайся остановить меня!

– Остановить тебя? – удивился кенгуру. – А на фига? Ты движешься как раз в нужном направлении.

Ринсвинд попытался было затормозить, но у него не получилось, поскольку его весьма эффективный метод бега основывался на аксиоме, гласящей, что торможение – это то, чего надо всеми правдами и неправдами избегать. Продолжая по инерции двигать ногами, некоторое время он бежал по воздуху, после чего улетел вниз.

Кенгуру глянул ему вслед и не без удовлетворения наморщил нос.

– Аркканцлер!

Чудакулли проснулся и сел. К нему, шумно отдуваясь, спешил профессор современного руносложения.

– Мы с казначеем отправились прогуляться по бережку, – сообщил он. – И можешь себе представить, где мы в итоге очутились?

– На Развеселой улице в Щеботане, – ядовито отозвался Чудакулли, смахивая с бороды особо любопытного жучка. – Сразу после чайной направо, к деревьям.

– Я не нахожу слов, аркканцлер. Потому что, как это ни поразительно, мы очутились совсем не там. Пройдя вдоль всего берега, мы оказались на том же месте, с которого начали! Мы на крошечном острове. А ты здесь отдыхал?

– Раздумывал над делами насущными, – поправил Чудакулли. – Какие-нибудь идеи по поводу того, где мы находимся, господин Тупс?

Думминг оторвался от записной книжки.

– С большой степенью точностью я смогу это выяснить только на закате, аркканцлер. Но полагаю, мы где-то неподалеку от Края.

– А еще мы нашли лагерь профессора жестокой и необычной географии, – встрял профессор современного руносложения. Он покопался в безднах кармана. – Да, лагерь и костровище. А также бамбуковую мебель и массу других вещей. Например, носки на веревке. И еще вот это.

Он извлек из кармана крайне потрепанный блокнотик стандартного университетского формата. Чудакулли вел строгую отчетность и выдавал новый блокнот, лишь когда предыдущий будет исписан вдоль и поперек на всех страницах с обеих сторон.

– Валялся на земле, – сказал профессор современного руносложения. – Но, боюсь, муравьи добрались до него раньше нас.

Чудакулли открыл блокнот и прочел запись на первой странице:

– «Интересные наблюдения на Моно-Острове. Уникально-уидененное место».

Он перевернул пару страниц.

– Списки растений и рыб, – сообщил он. – Как по мне, я не нахожу в этой информации ничего особенного, но я ведь не географ. И почему, интересно, он называет остров «Моно»?

– Это означает «Один Остров», – объяснил Думминг.

– Конечно, один, а сколько ж еще? Хотя, по-моему, я вижу неподалеку парочку похожих островов. Налицо острая нехватка воображения. Называл бы уж весь архипелаг. – Аркканцлер затолкал блокнот в карман. – Ну что ж... А самого нашего профессора не видно?

– Как ни странно, нет.

– Пошел, наверное, искупнуться и был съеден диким ананасом, – усмехнулся Чудакулли. – А как поживает наш общий друг библиотекарь, господин Тупс? Ему здесь, кажется, неплохо?

– Думаю, аркканцлер, вам лучше знать, – пожал плечами Думминг. – Вы уже больше получаса на нем сидите.

Чудакулли опустил глаза на шезлонг, кое-где покрытый рыжим мехом.

– Так это?..

– Да, аркканцлер.

– А я думал, это наш географ с собой принес.

– Купил в специальной лавке, специализирующейся на шезлонгах с подбитыми черной кожей ножками?

Чудакулли снова посмотрел вниз.

– Так мне, думаешь, лучше встать?

– Как знать, он ведь теперь шезлонг. И процесс сидения на себе должен воспринимать как совершенно естественный.

– Нужно срочно найти лекарство, Тупс. Это переходит все границы...

– Господа-а-а-а, эге-е-ей!

В окно ванной лезло некое видение в розовых тонах. Тона были достаточно мирными, но само видение сделало бы честь даже самым хаотичным галлюциногенам.

Теоретически для дамы определенного возраста не существует достойного способа пролезть в окно. Тем не менее розовая дама очень пыталась таковой способ изобрести. И следует признать, она перемещалась в пространстве с чем-то бóльшим, чем так называемое достоин-

ство, которое бесплатным приложением идет ко всяким королям и епископам, – о нет, эта особа передвигалась с веской респектабельностью домашнего сталелитейного разлива. Однако момент, когда часть ее лодыжки могла быть увиденной всеми, неминуемо приближался, и дама, пытаясь предотвратить сие ужасное событие, неловко замерла на подоконнике.

Главный философ закашлялся. Рука его невольно взлетела к шее, как будто стремясь поправить несуществующий галстук.

– А-а! – узнал Чудакулли. – Бесценная госпожа Герпес. Эй, кто-нибудь, пойдите и помогите ей, Тупс.

– Я схожу, – вызвался главный философ всего лишь чуть-чуть быстрее, чем сам того желал¹².

Университетская домоправительница повернула голову в сторону ванной комнаты и произнесла несколько слов, обращаясь к кому-то невидимому по ту сторону окна. Когда же она вновь повернулась к пляжу, выражение лица под кодовым названием «ору-на-подчиненных» мгновенно сменилось другим, гораздо более ласковым и называющимся «слушаю-господин-волшебник».

Как-то, к вящему возмущению главного философа, заведующий кафедрой беспредметных изысканий посмел заметить, что на лице у ихней домоправительницы слишком много подбородков. Так вот, завкафедрой был не совсем прав, поскольку в госпоже Герпес все же присутствовал некий глянец – правда, у кого-то он мог вызвать мысли о передержанной в тепле свечке. В общем и целом в госпоже Герпес не было ничего даже отдаленно напоминающего прямую линию, зато когда при очередной проверке подведомственной ей территории она находила невытертую пыль, ее губы можно было использовать в качестве линейки.

Большая часть преподавательского состава боялась домоправительницы как огня. Госпожа Герпес обладала загадочными, непостижимыми для волшебников способностями – к примеру, она могла сделать так, что постели оказывались застеленными, а окна – вымытыми. Волшебник, который своим полыхающим энергией посохом направо-налево крушил страшнейших монстров, пришельцев из далекого региона вселенной, – такой волшебник, взявшись не с того конца за перьевую пылеубиралку (или как оно там называется?), мог серьезно пораниться. Но по одному слову госпожи Герпес белье стиралось, а носки штопались¹³. В то время как тех, кто посмел чем-то вызвать ее раздражение, ждала страшная кара: в кабинете виновника генеральная уборка проводилась куда чаще необходимого, а поскольку для волшебника его комнаты – предмет столь же частный и личный, что и карманы в брюках, мести госпожи Герпес воистину страшились.

– Йа подумала, вам, господа, вероятно, захочется перекусить, – говорила госпожа Герпес, пока волшебники помогали ей спуститься с подоконника. – Так что йа взяла на себя смелость отдать распоряжение приготовить вам полдник. Сичас принесю...

Аркканцлер поспешно поднялся с шезлонга.

– Отличная идея, госпожа Герпес.

– Э-э... полдник? – переспросил главный философ. – А мне казалось, уже время обеда...

Своим тоном он ясно давал понять, что если госпоже Герпес угодно, чтобы сейчас было время полдника, то с его стороны не последует ни малейших возражений.

¹² Однажды, проходя мимо комнат университетской домоправительницы, главный философ увидел в приоткрытую дверь безголовый и безрукий манекен, на который госпожа Герпес примеряла собственноручно пошитые платья. После этого главному философу пришлось прилечь на часок-другой, и с тех пор его отношение к госпоже Герпес стало особенным.

¹³ Все дело в том, что у волшебников в геномном коде недостает так называемой ДХ-хромосомы. Исследователи феминистского уклона, тщательно проанализировав ее, установили, что данная хромосома отвечает за способность выявлять скопившиеся в стоке раковины остатки еды до того, как развивающаяся там жизнь изобретет колесо. Ну, или открывает слуд.

– Гм, по-моему... все дело в той скорости, с которой свет движется по Диску, – задумчиво протянул Думминг. – Согласно моим прикидкам, мы находимся рядом с Краем. И я как раз пытаюсь вспомнить, как определять время по солнцу.

– Ну, я бы немного подождал. – Главный философ приставил руку ко лбу на манер козырька и, подняв голову, прищурился. – По-моему, оно еще слишком яркое, чисел не видно. Чудакулли довольно кивнул.

– Полдник нам всем пойдет на пользу, – сказал он. – Хотелось бы чего-нибудь легкого, пляжного...

– Ага, холодной свининки с горчичкой, – подтвердил декан.

– И пива, – добавил главный философ.

– А пироги еще остались, ну, те, что с яйцами внутри? – поинтересовался профессор современного руносложения. – Хотя, должен признаться, я всегда считал это жестокостью по отношению к курам...

Послышался тихий «чпок», как будто кто-то засунул палец в рот, а потом, подцепив щеку, резко его выдернул. В семилетнем возрасте подобные забавы приводят в дикий восторг.

А вот Думминг никакого восторга не испытал. Он медленно повернулся, заранее ужасаясь тому зрелищу, которое, как он предчувствовал, ему вот-вот предстоит увидеть.

Госпожа Герпес, держа в одной руке поднос со столовыми приборами, недоуменно тыкала в воздух деревянной палкой, которая раньше подпирала окно.

– Йа только слегка подвинула его, чтобы было удобнее доставать еду, – пояснила она. – А теперь йа просто не знаю, куда оно подевалось.

Там, где прежде темнел четырехугольник, ведущий в пыльный кабинет географа, теперь покачивались пальмовые ветви и переливался на солнце песок. Можно было бы сказать, что пейзаж от этого только выиграл. Хотя это как и *откуда* посмотреть.

Задыхаясь, Ринсвинд вынырнул на поверхность. Он упал в очередной водоем.

Который находился внутри... некоей пещеры. Прямо над головой вырисовывался круг небесной синевы.

Сюда падали камни, сюда наносило песок, здесь прорастали семена. Прохладно, влажно и зелено... крохотный оазис, спрятанный от солнца и ветров.

Ринсвинд выбрался на сушу и, пока вода стекала с одежды, осмотрелся. Несколько деревьев ухитрились пустить корни в расщелине. Имелся даже клочок настоящего пляжа. Судя по пятнам на скалах, когда-то уровень воды был значительно выше.

А вон там... Ринсвинд вздохнул. Ну разве не типичная картина? Стоит найти удаленный от всех и вся, прелестный, дикий уголок, как *неизменно* выясняется, что какой-то любитель граффити уже успел здесь побывать и все испоганить. Некогда по делам чрезвычайной скрытности Ринсвинда занесло в Морпоркские горы. И что он там обнаружил? Дальняя стена самой глубокой пещеры оказалась сплошь изрисована плодами вдохновения какого-то вандала: корявыми буйволами и антилопами. Ринсвинда тогда это так разозлило, что он постирал все к чертовой матери. Но мало того, вандалы оставили после себя кучи старых костей и всякого мусора! Некоторые абсолютно не умеют вести себя в общественных местах.

Здесь каменные стены тоже были покрыты всякими картинками – бело-красно-черными. «Как и в прошлый раз, животные, – заметил про себя Ринсвинд. – И опять художник так себе».

Капая водой, он остановился перед одним рисунком. Кажется, на нем пытались изобразить кенгуру. Узнаваемые уши, хвост и клоунские лапы. Но в целом животное выглядело... незнакомым. Рисунок был покрыт таким множеством линий и наложенных мелких сеточек, что создавалось весьма странное впечатление. Как будто художник задался целью показать кенгуру не только снаружи, но и изнутри, а также изобразить, каким зверь был в прошлом году,

каким сегодня и каким станет на следующей неделе и о чем этот кенгуру вообще думает. Все это попытались уместить в одном рисунке и при помощи обыкновенных охры и угля.

И вдруг изображение словно бы ожило.

Ринсвинд даже сморгнул. Глаза его разъезжались в разные стороны, будто ноги на льду. Неприятное ощущение...

Он поспешил прочь вдоль стены пещеры, стараясь уже не вглядываться в наскальную живопись, и вскоре путь ему преградила большая груда булыжников, по которой можно было выбраться на поверхность. Однако сбоку от груды была небольшая щелка, в которую можно было бы пролезть. Ринсвинд опасливо заглянул в неведомую темноту. Похоже, это была не пещера, а туннель, у которого обрушился потолок.

– Ты прошел мимо, – произнес кенгуру.

Ринсвинд повернулся. Кенгуру стоял на миниатюрном пляже оазиса.

– А ты здесь откуда?

– Об этом потом, но ща я тебе кой-чего покажу. Кстати, если хошь, можешь называть меня Скрабби.

– Как-как?

– Мы ведь комрады, точняк? Я здесь, чтобы *помочь* тебе.

– О боги...

– Один ты не выживешь, друг. Ты вообще не думал, благодаря кому ты дожил до сегодняшнего дня? В наши дни воду здесь фиг найдешь.

– Ну, не знаю, просто я все время падал в...

Ринсвинд осекся.

– Точняк, – отозвался кенгуру. – И тебе не кажется это странным?

– Ну, я считал, что это обычное везение... – Ринсвинд задумался над только что сказанным. – Должно быть, совсем с ума сошел.

В пещере даже мух не было. Время от времени слышался тихий плеск волн, но это нисколько не успокаивало, поскольку никаких рыб, способных возмутить поверхность водоема, не наблюдалось, да и ветра тут не было. А где-то там, наверху, палило солнце, и мухи вились, как... очень много мух.

– А почему здесь так тихо? – подозрительно осведомился он.

– Иди сюда, глянь.

Ринсвинд, вскинув вверх руки, попятился.

– Я очень не люблю когти. И зубы. И клыки. И...

– Просто глянь на этот вот рисунок, друг.

– Ты про кенгуру?

– Про какого кенгуру, друг?

Ринсвинд окинул взглядом стену. На том месте, где раньше пребывало изображение кенгуру, теперь было пусто. Чистый камень.

– Готов поклясться...

– Говорю, ты сюда лучше глянь.

Ринсвинд опустил глаза на камень. Его поверхность выглядела так, как будто сначала множество людей приложили к ней ладони, а потом сверху плеснули охрой.

Он вздохнул.

– Ясно, – устало сказал он. – Проблема мне понятна. Со мной такое постоянно происходит.

– Ты это о чем, друг?

– Когда я щелкаю иконографом, все получается точно так же. Находишь интересную композицию, бес начинает яростно рисовать, а когда из иконографа вылезает рисунок, выясняется, что в самом его центре красуется твой большой палец. У меня все полки завалены

иконографиями моего большого пальца. Я как будто вижу, как этот твой художник, весь вдохновение, набрасывает образы, кладет широкие мазки и только в самом конце замечает, что забыл убрать руку с...

– Да не. Я говорю о той картинке, что чуть *ниже*, друг.

Ринсвинд пригляделся внимательнее. И вдруг то, что он принял за трещинки в камне, сложилось в тонкие линии. Ринсвинд прищурился. Линии сплетались в образы... Ну да, здесь рисовали фигуры... В них есть что-то...

Он сдул с изображения песок.

Ну да, он не ошибается...

...Странно знакомое...

– Во-во, – словно издали донесся голос Скрябби. – Правда, на тебя похоже, а, друг?

– Но это... – начал было Ринсвинд и выпрямился. – И давно тут эти картинки?

– Дай-ка прикинуть, – ответил кенгуру. – Солнца нет, дождя нет, в укромненькой пещерке, где и ветра не бывает... Двадцать тысяч лет?

– Полная ерунда!

– Гм-м, а ведь ты, пожалуй, прав, друг, – согласился кенгуру. – Потянет на все тридцать, учитывая условия. Вон те отпечатки ладоней, что чуть выше, – они здесь не меньше пяти тысяч лет. А эти совсем поистерлись... Стал' быть, ну очень они древние, им десятки тысяч лет, да только вот...

– Только вот что?

– На прошлой неделе их тутова не было, друг.

– То ты говоришь, им десятки тысяч лет... и вдруг они появились чуть ли не неделю назад?

– Ага! Я знал, что ты умный, друг.

– И сейчас ты мне объяснишь, что все это значит?

– Точняк.

– Поищу-ка я себе что-нибудь на ужин.

Ринсвинд поднял камень. В лунке лежали два бутерброда с вареньем.

Волшебники были людьми цивилизованными, образованными и культурными. И, оказавшись на необитаемом острове, они не растерялись, а мгновенно смекнули: перво-наперво следует найти стрелочника.

– Ведь ясно же было как день! – вопил Чудакулли, бешено размахивая руками в районе того места, где прежде висело окно. – Я же специально прикрепил табличку!

– Да, но у тебя самого на двери в кабинет висит табличка «Не Беспокоить», – возразил главный философ. – И все равно каждое утро госпожа Герпес приносит тебе чай!

– Господа, господа! – вмешался Думминг Тупс. – Есть куда более неотложные вещи, которые нужно выяснить!

– Совершенно верно! – внес свою лепту декан. – Это все он виноват. Слишком мелко написал!

– Я не о том! Надо незамедлительно...

– Здесь *дамы*! – рявкнул главный философ.

– Дама, – веско и подчеркнуто поправила госпожа Герпес, словно игрок, кладущий на стол выигрышную карту.

Она была спокойна и непоколебима, и на ее лице отчетливо читалось: «Когда кругом столько волшебников, мне не о чем беспокоиться».

Волшебники сбавили тон.

– Йа извиняюсь, еесли сделала чьто-то не то, – сказала она.

– Не совсем не то, – поспешил заверить Чудакулли. – Ну, может, чуть-чуть. Самую малость.

– Ошибиться мог кто угодно, – добавил главный философ. – Я и сам еле разобрал, что там написано.

– И в общем и целом можно констатировать: уж лучше застрять здесь, на свежем воздухе и под теплым солнышком, чем всю жизнь провести в душном кабинете, – заключил Чудакулли.

– Это если говорить совсем в общем, – с сомнением в голосе возразил Думминг.

– Не успеет ягненок дважды взмахнуть хвостиком, как мы уже окажемся дома, – с сияющей улыбкой заверил Чудакулли.

– К сожалению, должен заметить, не похоже, что здесь было особо развито сельское хозяйство и, в частности, животноводство, – хмыкнул Думминг.

– Я выражался фигурально, господин Тупс. Фи-гу-раль-но.

– Но солнце садится, аркканцлер, – гнул свое Думминг. – Из чего следует, что скоро наступит ночь.

Чудакулли бросил нервный взгляд сначала на госпожу Герпес, потом на солнце.

– Какие-то проблемы? – осведомилась госпожа Герпес.

– Да нет же, ради всех богов, нет! – поспешно откликнулся Чудакулли.

– Мы... гм-м...

– Это чья-то шутка? – продолжала домоправительница. – Ви, господа, никогда не упустите шансы повеселиться.

– Да, это...

– Ну, йа бюду вам весьма благодарна, если ви отправите меня домой немедленно, аркканцлер. Сегодня у нас большая стирка, и есть все основания подозревать, что с простынями декана бюдут проблемы.

Декан внезапно почувствовал себя комаром, очутившимся под лучом сильного прожектора.

– Мы разберемся с этим без проволочек, не беспокойтесь, госпожа Герпес, – произнес Чудакулли, не сводя глаз с ежащегося декана. – Что же касается вас, почему бы вам пока не посидеть вот тут и не насладиться этими чудесными простынями... то есть солнечным светом?

Шезлонг с клацаньем сложился. Потом чихнул.

– А-а, библиотекарь, ты снова с нами, – продолжал Чудакулли, приветствуя распростертого на песке орангутана. – Эй, Тупс, помоги ему. И еще несколько слов ко всем. Прошу прощения, госпожа Герпес, у нас тут затеялось небольшое собрание преподавательского состава...

Волшебники сгрудились в кучку.

– Это был кетчуп! – быстро затараторил декан. – Честное слово! Так уж получилось, я сначала лег, а потом решил перекусить, а сами знаете, какие от кетчупа пятна!

– Честно говоря, декан, нам до твоих простыней нет никакого дела, – обрезал Чудакулли.

– Абсолютно никакого, – весело поддакнул главный философ.

– Это дело не к нам, – успокоил профессор современного руносложения, похлопывая декана по плечу.

– Мы должны вернуться, – сказал Чудакулли. – Не можем же мы провести тут ночь с госпожой Герпес. Это было бы очень неприлично. Мы и она, наедине...

– Не понимаю, с чего поднимать такой шум из-за какого-то кетчупа? Фасоль-то я всю собрал...

– Наедине? – удивился профессор современного руносложения. – Нас ведь семеро, не считая библиотекаря.

– Разумеется, но *вместе взятые* мы с ней наедине, – обрубил Чудакулли. – Могут пойти разговоры.

– Разговоры о чем? – встрял заведующий кафедрой беспредметных изысканий, как всегда немного отстающий от беседы.

– Ну, сам знаешь... – Профессор современного руносложения поджал губы. – Семеро мужчин, одна женщина... Я как подумаю, что начнут говорить люди...

– Ты предлагаешь выписать сюда еще шестерых женщин? Лично я категорически против! – твердо сказал завкафедрой.

– А может, надо лишь чуточку подождать – и дыра опять откроется? – спросил главный философ.

– Вряд ли, – Чудакулли покачал головой. – Думминг утверждает, что, пройдя через нее, мы тем самым нарушили чаростатическое равновесие. Эй, декан, а ты что думаешь?

– Это был всего лишь кетчуп, – откликнулся декан. – С любым может случиться.

– Я о нашем вынужденном пребывании на этом острове, – сказал Чудакулли. – Что будем делать? Мы должны действовать как команда, чтобы разрешить эту проблему.

– А что мы скажем госпоже Герпес? – прошептал главный философ. – Она-то думает, мы так *шутим*.

– Главный философ, мы взрослые, умудренные опытом волшебники, – возразил Чудакулли. – Шутят *студенты*.

– О да, по сравнению с нами они мальчишки, – пробормотал Думминг Тупс.

– Правильно. Мы шутки не шутим.

– Угу. Мы уж как дернем, так все вокруг вздрогнет, а по пустякам мы не размениваемся, – уточнил профессор современного руносложения.

– Ума не приложу, к чему поднимать такой шум из-за крохотного, едва заметного пятнышка от кетчупа! – горевал декан.

– Ни у кого нет в запасе подходящего заклинания? – воззвал Чудакулли.

– По-твоему, отправляясь в четыре утра на пляж, мы должны были запастись заклинаниями? – отозвался профессор современного руносложения.

– В таком случае будем полагаться на собственные силы, – подытожил Чудакулли. – Рано или поздно обязательно покажется корабль. Кроме того, господа, за нашими спинами многие годы Университета. Представители примитивных народностей без труда выжили бы в этом райском уголке. Но мы в отличие от наших неотесанных предков вооружены знаниями!

– А еще с нами госпожа Герпес, – вставил заведующий кафедрой беспредметных изысканий.

– С неотесанными предками она бы ни за что не осталась, – согласился главный философ.

– Ты что-нибудь понимаешь в лодках, декан? Если память мне не изменяет, ты, когда был значительно моложе и стройнее, выиграл первое место в соревнованиях по гребле, – заметил Чудакулли. – Кстати, заметь, в своем вопросе я очень ловко обошел тему простыней.

– Что ж, построить лодку не так уж и сложно, – пожал плечами декан, выныривая из моря грустных размышлений. – Даже представители примитивных народностей в состоянии построить лодку, а мы ведь *цивилизованные* люди.

– В таком случае назначаю тебя главой Комитета по постройке лодки, – сказал Чудакулли. – Возьми себе в помощь главного философа. А остальные пусть займутся поисками пресной воды. И пищи. Сбейте пару кокосов. В общем, действуйте.

– А ты что будешь делать, аркканцлер? – ядовито осведомился главный философ.

– Я возглавлю Комитет по добыче белка, – парировал Чудакулли и многозначительно взмахнул удочкой.

– То есть опять будешь удить рыбу? И какой от этого толк?

– А такой, главный философ. Будет чем поужинать.

– Ни у кого сигаретки не найдется? – воззвал декан. – Ужасно хочется курить.

Волшебники, ссорясь и продолжая обвинять в случившемся друг друга, разошлись в разные стороны.

А под покровом деревьев, среди палой листвы вдруг зашевелились корни. Множество очень маленьких растений принялись со страшной скоростью расти...

– Это последний континент, – сообщил Скрыбби. – Его... сляпали в последнюю очередь и... немного не так, как остальные континенты.

– А по-моему, он выглядит довольно-таки старым, – хмыкнул Ринсвинд. – Даже древним. И холмы эти тоже выглядят вполне по-древнему. Как самые настоящие холмы.

– Они были созданы тридцатитысячелетними.

– Да ты посмотри на них! Им же миллионы лет, не меньше!

– Точняк. Их создали тридцатитысячелетними миллионы лет назад. Время здесь, – кенгуру пожал плечами, – течет иначе. Его... склеили по-другому – врубаешься?

– Кому рассказать, не поверят, – покачал головой Ринсвинд. – Я, нормальный, здоровый человек, сижу здесь и слушаю рассказы кенгуру. Это так, к слову.

– Между прочим, мне очень трудно подыскивать такие слова, чтобы ты все понял, – упрекнул его кенгуру.

– Отлично, продолжай поиски, рано или поздно найдешь. Хочешь бутерброд с вареньем? Это кружовник.

– Не хочу. Я, друг, придерживаюсь строгой травяной диеты. Послушай...

– Не так-то часто попадаете кружовниковое варенье. Или кружовничье – как правильно? Малиновое, клубничное – сколько угодно. Даже черносмородиновое. На сто банок лишь одна – кружовник. О, извини, продолжай.

– Ты правда хочешь слушать дальше? Или смеешься надо мной?

– А ты видишь на моем лице улыбку?

– Ну ладно... Ты когда-нибудь замечал, что на больших пространствах время течет медленнее?

Бутерброд замер на полпути ко рту Ринсвинда.

– Замечал. Но ведь это только так *кажется*.

– Думаешь? Когда создавался этот континент, времени и пространства оставалось совсем немного. Вот и пришлось их перемешать, чтобы все работало. Тут время происходит с пространством, а пространство происходит со временем...

– Отличное варенье, но, знаешь, вот ем и думаю: наверняка ведь рано или поздно попадется кусок сливы, – с набитым ртом проговорил Ринсвинд. – Или, к примеру, ревень. Ты не поверишь, но так делают сплошь и рядом. Запихивают в банку ягоды и фрукты подешевле. Я как-то в Анк-Морпорке познакомился с одним типом, который варенье варит, так он рассказывал, чего туда только не суют – и объедки, и красители, а я спросил, ну а как же малиновые косточки, а он и говорит: так они ж из дерева. Из дерева! Мол, для этого у них специальный станок, чтобы косточки разных размеров точить. Представляешь?

– Друг, может, ты прекратишь нести эту чушь о варенье и придешь в себя?

Ринсвинд опустил бутерброд.

– О боги, надеюсь, что не приду, – вымолвил он. – Сам подумай: я сижу в пещере, расположенной на континенте, где никогда не бывает дождей и где кишмя кишат всякие кусачие твари, и разговариваю – только не обижайся – с каким-то травоядным, которое пахнет будто любимый коврик легко возбудимых щенков, а недавно я обрел способность находить в самых неожиданных местах бутерброды с вареньем и всякие пирожки, и на стене древней пещеры мне показали весьма странный рисунок, а еще меня предупредили, что тут абсолютные нелады со временем и пространством, – и после всего этого вышеупомянутый травоядный кенгуру хочет,

чтобы я *пришел в себя*? Когда задумываешься над всем этим, невольно задаешься вопросом: а я-то тут при чем?

– Вишь ли, друг, на самом деле это место так и не было *досоздано*. Его не повертели, не покрутили... не подогнали... – Кенгуру посмотрел на Ринсвинда таким взглядом, словно читал его мысли. – Это как в составной картинке: последний кусочек подходит, он нужной формы, но, чтобы он встал на место, его нужно правильно повернуть. Так понятнее? А теперь представь, что этот кусочек – чертовски большой континент, который нужно вертеть в девяти измерениях сразу. И тут...

– На сцену выхожу я?

– Точняк! Весь в белом!

– Гм-м... Я, конечно, понимаю, тебе мой вопрос может показаться дурацким. – Ринсвинд поковырялся в зубе, пытаясь вытащить косточку кружовника. – Но почему именно я?

– Сам виноват. Явился сюда – и вдруг все пошло не так. Причем с самого начала.

Ринсвинд оглянулся на стену пещеры. Земля опять затряслась.

– А ты не можешь, ну, удалить меня?

– В прошлом что-то изменилось. Изменилось очень серьезно.

Кенгуру посмотрел на измазанное вареньем непонимающее лицо Ринсвинда и предпринял новую попытку:

– Твое появление внесло фальшивую ноту.

– Куда?

Животное неопределенно помахало лапой.

– Проклятье, да во все это! – воскликнул кенгуру. – Тебе нужны определения? Хочешь, называй это чертовским многомерным шарниром локализованного фазового пространства. Или просто песней.

Ринсвинд пожал плечами.

– Не буду спорить, я приложил руку к тому, чтобы отправить на тот свет нескольких пауков, – сказал он. – Но у меня не было выбора: либо я, либо они. Сам подумай, когда тебе прямо в лицо внезапно сигает такая тварь...

– Ты изменил историю.

– Не преувеличивай. Парой пауков больше, парой меньше – это ничего особенно не меняет. Представляешь, некоторые из этих гадов используют свою паутину как резинку: ты только слышишь «чпок», а в следующую секунду...

– Я говорю не о той истории, которая начинается сейчас, я говорю о прошлом, о той истории, что уже случилась.

– Я изменил события, которые произошли давным-давно?

– Точняк.

– Одним своим появлением я изменил то, что давным-давно случилось?

– Во-во. Вишь ли, время, вопреки твоим привычным представлениям, течет вовсе не по прямой...

– А я никогда так и не считал. Сам совершил виток-другой, поэтому я...

Кенгуру широко повел лапой, словно охватывая жестом весь мир.

– Дело не только в том, что события в будущем способны влиять на события в прошлом, – сказал он. – То, что не произошло, но могло произойти, тоже способно... влиять на то, что уже произошло. Более того, есть такие события, которые произошли, но которых не должно было происходить. Как правило, такие события удаляют, но даже они оставляют после себя... назовем их тенями во времени, которые влияют на то, что происходит сейчас. Скажу тебе по секрету, друг, – кенгуру многозначительно повел ушами, – сейчас все держится просто-напросто на соплях. Никто так и не удосужился навести порядок. Всякий раз поражаюсь, когда вслед за сегодня все-таки наступает завтра. Правда-правда.

– Вот и я поражаюсь, – кивнул Ринсвинд. – О, если бы ты знал, как я поражаюсь!

– Значит, будь спок, да?

– Пожалуй, оставлю немного варенья на потом, – пробормотал Ринсвинд. – И все-таки... почему я?

Кенгуру почесал нос.

– Ну, как говорится: если не ты, то кто?

– И что от меня требуется?

– Повернуть мир.

– Но чем я его буду поворачивать? Специальным ключом?

– Может, и ключом. Смотря как все сложится.

Ринсвинд снова оглянулся на образцы наскальной живописи. Несколько недель назад их здесь не было, а потом внезапно оказалось, что они были тут всегда.

Множество фигурок. Фигурки с длинными палками в руках. Фигурки в длинных балахонах. Художник отлично справился с задачей, изобразив нечто странное, неведомое. Дабы устранить последнюю тень сомнения, достаточно было взглянуть на штуковины, красующиеся у фигурок на головах.

– Во-во. Мы называем их *Остроголовыми*, – сказал кенгуру.

– Похоже, рыба у него ловится, – буркнул главный философ. – Значит, явится весь из себя гордый и будет пилить нас, почему лодка еще не готова.

Декан как раз заканчивал выщарапывать на скале чертеж.

– По идее, построить лодку легче легкого, – откликнулся он. – Лодки строят даже люди, что протыкают себе носы всякими косточками. Мы же конечный продукт тысячелетий просвещения. Неужели нам не по силам будет построить какую-то жалкую лодку?

– Совершенно согласен с тобой, декан.

– Надо всего лишь прочесать остров и найти книжку, озаглавленную, к примеру, «Как сделать лодку. Практическое пособие для начинающих».

– Очень правильная мысль. А дальше плыви себе не хочу. Ха-ха.

Главный философ поднял глаза и судорожно сглотнул. В тенечке неподалеку, на бревне, восседала, обмахиваясь большим листом, госпожа Герпес.

Это зрелище что-то всколыхнуло в главном философе. Он не знал, что именно, но некоторые детали – например, сопровождающий движения домоправительницы волнующий скрип – заставляли его сердце тоже скрипеть и биться быстрее.

– Главный философ, с тобой все в порядке? У тебя такой вид, точно ты перегрелся.

– Нет, нет, мне просто чуть-чуть... тепловато, декан.

Главный философ ослабил воротничок и перевел взгляд на декана. Тот смотрел куда-то мимо него.

– Ага, эти уже тут как тут, – скривился декан.

По пляжу вереницей тащились волшебники. Одно из преимуществ волшебного балахона заключается в возможности использования его в качестве фартука, и сейчас фасад заведующего кафедрой беспредметных изысканий выдавался больше обычного.

– Нашли еду? – поинтересовался главный философ.

– Э-э... Вроде да.

– Фрукты и орехи, надо полагать, – проворчал декан.

– Гм-м... Да и опять-таки нет, – отозвался профессор современного руносложения. – Гм-м... Весьма забавно...

Заведующий кафедрой беспредметных изысканий вывалил добычу на песок. Это оказались кокосовые орехи, всякие другие орехи, а также разнообразные узловато-волосатые фрукты.

– Довольно примитивная еда, – заметил декан. – И к тому же, вероятно, ядовитая.

– Ну, казначей ел так, что за ушами трещало. Будто последний день живет, – сообщил профессор современного руносложения.

Казначей сыто рыгнул.

– Это еще ничего не значит. Посмотрим на него завтра, – пожал плечами декан. – Да что с вами такое? Вы все время переглядываетесь.

– Мы... мы и сами кое-что попробовали, декан, – признался профессор современного руносложения.

– А-а, вижу, наши собиратели вернулись! – оглушительно поприветствовал Чудакулли. Широко шагая, он помахивал леской, на которой висели три рыбины. – Ничего похожего на картошку вам не попадалось?

– Думаю, вы нам не поверите, – уныло пробормотал профессор современного руносложения. – Решите, что мы над вами смеемся.

– О чем это ты? – не понял декан. – Как по мне, то, что вы собрали, выглядит совсем не смешно.

Заведующий кафедрой беспредметных изысканий испустил тяжкий вздох.

– Попробуй какой-нибудь кокос, – сказал он.

– Они что, взрываются?

– Нет-нет, ничего такого.

Декан выудил из груды добычи орех, смерил его подозрительным взглядом и стукнул кокосом по камню. Скорлупа раскололась на две абсолютно равные половинки.

Но никакого молока. Коричневого цвета скорлупа была набита мягкими белыми волокнами.

Чудакулли принялся к странному содержимому.

– Я не верю, – сказал он. – Это противоестественно.

– А что такого? – возразил декан. – Кокос, полный кокоса. Что тут странного?

Аркканцлер отколупнул от кокоса кусочек и вручил декану. На ощупь скорлупа оказалась мягкой и слегка крошилась.

Декан попробовал кокос.

– Шоколад? – ошеломленно произнес он.

Чудакулли кивнул.

– Судя по вкусу, молочный. С начинкой из кокосового крема.

– Такофа не пыфает, – произнес с набитым ртом декан.

– Тогда выплюнь.

– Пожалуй, не помешает еще *немного* попробовать, – глотая, отозвался декан. – Дух исследования, понимаешь ли.

Главный философ выбрал из кучи узловатый орех синего цвета и размером с кулак и осторожно стукнул им по камню. Орех раскололся, но половинки скорлупы удерживались вместе клейким содержимым.

Запахло чем-то очень знакомым. Осторожная проверка на вкус подтвердила догадку. Волшебники остолбенело созерцали нутро ореха.

– Там даже синие прожилки имеются, – первым нарушил молчание главный философ.

– Знаем, его мы тоже пробовали, – слабым голосом отозвался заведующий кафедрой беспредметных изысканий. – И что с того? Бывает же хлебное дерево...

– Я слышал о таком, – отозвался Чудакулли. – И вполне могу поверить, что существует кокос в естественной оболочке из шоколада. Ведь что такое шоколад? Это вид картофеля...

– ...Скорее представитель семейства бобовых, – вставил Думминг Тупс.

– Не важно. Но никто не убедит меня, что может существовать орех с начинкой из лан-крского синежильного сыра! – Чудакулли потыкал пальцем в орех.

– И все же, аркканцлер, в природе иной раз случаются забавные совпадения, – заметил заведующий кафедрой беспредметных изысканий. – Да что далеко ходить, помню, я сам еще в детстве выкопал в огороде морковь, так она была точь-в-точь как человечек с...

– Э... – внезапно подал голос декан.

Это был всего лишь краткий звук, один слог, но окрашенный такой зловещностью, что все головы мгновенно повернулись к декану.

Он снимал желтоватую кожуру с плода, похожего на маленький стручок. По окончании процесса в руках у него осталась...

– Ну да, отличная шутка, снимаю шляпу перед вашим чувством юмора, – произнес Чудакулли. – Но вы, разумеется, не ждете, что я поверю, будто *это* растет на...

– Я ничего не делал! Смотри, тут мякоть и прочее, – декан возбужденно взмахнул стручком.

Чудакулли взял другой стручок, поднес к уху и потряс, после чего тихо сказал:

– Будьте так добры, покажите, где вы это нашли.

Куст рос на опушке. Сквозь густые крошечные листочки пробивались десятки побегов. Каждый венчался цветком с уже пожухшими и опадающими лепестками. Можно было собирать урожай.

Когда декан склонился и сорвал стручок, с куста снялось облако разноцветных насекомых и, жужжа, поплыло прочь. После очистки оказалось, что содержимое стручка представляет собой влажноватый белый цилиндр. Декан несколько секунд изучал объект, потом сунул один конец в рот, извлек из кармашка в шляпе спичечный коробок и чиркнул спичкой.

– А неплохой табак, – похвалил он. Когда он вынул сигарету изо рта и выдул кольцо, рука у него слегка дрожала. – И фильтр пробковый.

– Гм-м... Как табак, так и пробка являются продуктами растительного происхождения, – с дрожью в голосе произнес заведующий кафедрой беспредметных изысканий.

– Завкафедрой? – отозвался Чудакулли.

– Да, аркканцлер?

– Заткнись, а?

– Хорошо, аркканцлер.

Думминг Тупс вскрыл пробковый фильтр. Внутри обнаружилось колечко того, что вполне могло сойти за...

– Семена, – уверенно подтвердил он. – Но этого не может быть, потому что...

Декан, окутанный клубами синего дыма, разглядывал виноградную лозу.

– А кто-нибудь заметил, что вот эти плоды имеют ярко выраженную прямоугольную форму? – произнес он.

– Давай, декан, попробуй, – велел Чудакулли.

Декан счистил коричневую скорлупу.

– Ну да, – сказал он. – Как и следовало ожидать. Бисквиты. К сыру весьма кстати.

– Э-э... – сказал Думминг и ткнул пальцем перед собой.

Прямо за кустом валялась пара башмаков.

...Ринсвинд пощупал стену пещеры.

Земля опять содрогнулась.

– Чего она трясется-то?

– Некоторые называют это землетрясением, другие утверждают, что причиной всему высыхание почвы, по мнению третьих – это под землей проползает гигантский змей, – ответил Скрябби.

– Ну и кто прав?

– Вопрос поставлен неверно.

«*Выглядят* они определенно как волшебники, – подумал Ринсвинд. – Эта конусообразность знакома любому, кто хоть раз побывал в Незримом Университете. И в руках у них посохи. Пусть даже в распоряжении у древних художников были только грубые краски, набалдашники получились вполне реалистично».

Но тридцать тысяч лет назад НУ еще *не существовало*...

Затем в дальнем конце пещеры Ринсвинд заметил некий рисунок, на который прежде не обращал внимания. Рисунок был почти скрыт под охряными отпечатками ладоней, словно таким образом люди хотели удержать его, помешать ему – ну, право, что за глупая мысль – сойти с камня.

Ринсвинд смахнул с рисунка пыль.

– О нет, только не *это*, – выдохнул он.

На рисунке был изображен продолговатый сундук. Художник не был знаком с законами перспективы, однако тысячи маленьких ножек узнавались сразу.

– Это же мой Сундук!

– Вечно одна и та же история, точняк? – раздался из-за спины голос Скрыбби. – Сам прибываешь куда надо, а твой багаж оказывается неизвестно где.

– К примеру, в десятках тысяч лет тому назад?

– Тем самым он превращается в ценный антиквариат.

– Но в нем вся моя одежда!

– Будь спок, она снова войдет в моду.

– Ты не понимаешь! Этот ящик *волшебный*! Он должен следовать за мной повсюду. Куда я, туда и он.

– Вот он туда и отправился. Но перепутал *когда*.

– Как это? О!

– Я ведь талдычу тебе: время и пространство полностью перепутались. Вот погода, начнется твое путешествие. Ты повидаеть места, которые одновременно существуют в нескольких временах, а в иных местах такой штуки, как время, и вовсе нет. Зато есть времена, в которых почти нет места. Ты еще побегаешь, разбирая их по порядку.

– Это как карты по порядку раскладывать? – уточнил Ринсвинд.

Мысленно он взял на заметку слова насчет «твоего путешествия».

– Точняк.

– Но это же невозможно!

– Вот и я так сказал. Но ты *будешь* это делать. А теперь соберись. – Скрыбби набрал в грудь воздуха и важно изрек: – Будь спок, ты справишься, ведь ты с этим уже справился.

Ринсвинд схватился за голову.

– Я *говорил*, время и пространство здесь перемешались.

– Так я уже спас континент?

– Точняк.

– Слава богам. Что ж, было не так уж и трудно. Мне за это много не надо – так, пустяки, может, медаль, всеобщая признательность жителей, пожалуй что, скромная пенсия и билет домой... – Он посмотрел на кенгуру. – Хотя ничего такого я не дождусь, верно?

– Во-во, потому что...

– ...Я уже не сделал этого *еще*?

– Точняк! Ловишь на лету! Но ты должен пойти и сделать то, что, как нам известно, ты сделаешь, потому что ты это уже сделал. Ведь если бы ты этого не сделал, меня бы тут не было и я бы не смог заставить тебя сделать то, что ты сделаешь. Так что не кобенься и сделай все как надо.

– И меня ждут ужасные опасности?

Кенгуру сделал неопределенный жест лапой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.